ВЪ СПАССКОМЪ.

Первыя мои дѣтскія воспоминанія, яркія, но отрывочныя, не связанныя въ цѣлое, рисующіяся мнѣ отдѣльными, внезапно обрывающимися, картинами и эпизодами — всѣ деревенскія. Часть дѣтства моего прошла въ Москвѣ, но вполнѣ «дома» я чувствовалъ себя лишь въ деревнѣ, городъ оставался все-таки чужимъ; дня зимой не проходило, чтобы я не мечталъ о деревнѣ, о нашей чудной усадьбѣ, гдѣ жизнь казалась воплощеніемъ земного счастія. Впрочемъ было нѣчто и въ городѣ, что манило къ себѣ властно и радостно волновало, — это театръ. Въ счастливый день, когда меня брали въ театръ, я съ утра выпрашивалъ билетъ на взятую ложу и близость его уже была мнѣ пріятна. А какое счастье было войти въ театральный коридоръ, ощутить запахъ духовъ, которыми курили въ театрѣ, а потомъ, добравшись до ложи, увидѣть Князя Пожарскаго, торжественно въѣзжающаго въ Москву, — занавѣсъ, на которомъ я изучилъ лица и фигуры всѣхъ изображенныхъ на немъ москвичей, — и наконецъ услышать возбуждающіе звуки настраиванія музыкантами своихъ инструментовъ!..

Прошло болѣе полвѣка; съ тѣхъ поръ все измѣнилось во мнѣ и вокругъ меня, но любовь къ нашей деревенской природѣ и къ театру осталась во мнѣ съ прежней силой...

Помню раннее утро, весною, въ Москвѣ. Меня будитъ няня Параша и отворяетъ форточку, откуда до моей кровати доносится свѣжій воздухъ и слышатся звуки пастушьяго рожка. Въ то время коровы москвичей съ весны гонялись

за городъ и пастухъ, заходя во дворы домовъ, давалъ о себѣ знать звуками рожка.

Сейчасъ ѣдемъ въ Спасское..

Я сижу въ большой дорожной каретѣ съ мамашей, сестрой, Камиль Ивановной и Парашей, на козлахъ Василій, а въ колясочкѣ, придѣланной къ задку кареты, помѣстились двѣ горничныя, — молодыя, веселыя, — онѣ вѣчно смѣются! Впереди насъ ѣдетъ четвероместный тарантасъ; тамъ старшіе братья, Авдотья Ивановна — горничная мамаши, и дворецкій Дмитрій Федоровичъ съ большой сумкой черезъ плечо, въ которой хранятся подорожная и деньги,— много мѣдныхъ денегъ и серебра для разсчета со станціонными смотрителями и для начаевъ ямщикамъ. ѣдемъ тоскливо долго по тряскимъ улицамъ Москвы; но вотъ, наконецъ, застава, шлагбаумъ, и мы за городомъ. Тутъ совсѣмъ другой, свѣжій, упоительный воздухъ, уже самъ по себѣ бодрящій и веселящій, тутъ ужъ есть трава, деревья, чувствуется деревня.

До Рязани ѣдемъ четверней, такъ какъ дорога хорошая шоссейная и переѣзды между станціями короткіе. Станціонныя зданія — красныя съ бѣлымъ, красивыя, съ садиками. При спускахъ съ горы экипажъ нашъ тормозятъ, и мы выходимъ и спускаемся внизъ пѣшкомъ, я, конечно, бѣгомъ. ѣдемъ быстро, — на станціяхъ вездѣ есть лошади. Въ Бронницахъ обѣдаемъ въ мѣстной гостинницѣ, въ которую входимъ по высокой деревянной лѣстницѣ, очень вонючей и грязной; за обѣдомъ котлеты съ черезчуръ сладкимъ горошкомъ. Все это весело, но вотъ и нѣчто страшное: переѣзжаемъ Оку. Сразу на мосткахъ вода, да и вообще ея что-то очень много вездѣ, и звукъ экипажа, и топотъ лошадей по мосту грозятъ чѣмъ-то плохимъ. Вѣтеръ тоже совсѣмъ особый. рѣзкій. Я для вѣрности закрываю глаза и прячусь за Парашу. Такъ много покойнѣе.

Въ Рязани, кажется, ночуемъ въ гостинницѣ Варварина. Все, что помню о Рязани — это грязную площадь и на ней каменные торговые ряды.

Теперь ѣдемъ по грунтовой дорогѣ. Это гораздо веселѣе. Тутъ ужъ отъ города и слѣда не осталось. Но ѣдемъ шестериком, съ форейторомъ-мальчикомъ, звонко покрикивающимъ на лошадей. Всѣ ямщики веселые, красивые, на всѣхъ низкія шляпы съ бляхой, на которой изображенъ орелъ, а у кого и съ перьями и лентами. Одинъ ямщикъ великолѣпно поетъ, за что получаетъ данный мнѣ мамашей двугривенный. Въ селахъ я бросаю бѣгущимъ у дверокъ кареты крестьянскимъ дѣтямъ пряники (жамки) и вколотыя въ бумажку булавки. Въ нашей каретѣ есть всевозможныя приспособленія: наверху въ сѣткѣ качаются шляпы и легкія вещи, а съ боковъ открываются шкапчики съ полками, гдѣ множество пріятныхъ мелочей, — питье, лакомства; все это быстро достается, когда нужно, Парашей.

Сладко подъ раскачиванье кареты дремлется и даже спится, завалившись за спину Параши.

На ночь останавливаемся на какой-то станціи. Внутри душно и стоитъ непріятный запахъ; говорятъ, диванъ въ станціонной комнатѣ полонъ клоповъ; мамаша остается въ каретѣ, а намъ на полу кладутся набиваемые тутъ же сѣномъ большіе мѣшки, вѣрнѣе чехлы, взятые для этого съ собой; но еще до спанья мы ужинаемъ; откуда-то явившійся нашъ поваренокъ Ваня готовитъ великолѣпную яичницу, а изъ дорожнаго ларца, обитаго снаружи какой-то щетинистой кожей, вынимается столовая и чайная посуда, ложки, ножи и вилки, чай, сахаръ, лимонъ, достается взятая съ собой холодная, завернутая въ синюю сахарную бумагу, курица. Все это замѣчательно вкусно.

Утромъ меня будятъ что-то ужъ очень рано; солнце, кажется, еще не вставало, все кругомъ какое-то сѣрое, и Параша, наскоро убирая мое ложе, ворчитъ и видимо сердита. На воздухѣ свѣжо; сѣвъ въ карету, я немедленно засыпаю, а когда просыпаюсь, — то уже свѣтло, солнечно, даже жарко; пыль врывается къ намъ въ окна и подолгу остается въ каретѣ, при чемъ сестра и Камиль Ивановна, гувернант-

ка сестры, дама съ громаднымъ носомъ, смѣшно отъ ися отмахиваются и даже чихаютъ.

На большой дорогѣ, по обѣимъ ея сторонамъ, на валахъ стоятъ ветлы, то большія, еще крѣпкія, то низкія, обломанныя, совсѣмъ даже исковерканныя. Считаю верстовые столбы, теперь, съ тѣхъ поръ какъ мы съѣхали съ шоссе, уже не такіе чистенькіе и прямые, но всѣ выкрашенные въ три цвѣта.

Гроза. Сначала отдаленные раскаты грома, а вотъ теперь, тотчасъ послѣ бѣлаго блеска молніи, страшный ударъ; мамаша и Параша крестятся и спѣшатъ закрыть окошки; одно не поднимается, приходится останавливаться и звать Василія. Ударъ грома еще сильнѣе, и тутъ сразу все зашумѣло, по верху кареты такъ забарабанило, что я, не боявшійся пока, совсѣмъ струсилъ; дождь бьетъ въ окно съ такой силой, что брызги мочатъ насъ и въ каретѣ, мамаша велитъ остановиться: въ грозу опасно ѣхать. Изъ-за дождя ничего не видно и не слышно.

Удары грома стали тише. Ѣдемъ дальше.

Грязь. Идетъ дождикъ. Селами совсѣмъ плохо ѣхать отъ грязи. Мамаша боится, что мы застрянемъ, ямщики и форсіиторы все время кричатъ, помогая лошадямъ. Окна кареты закрыты и въ ней душно и скучно; оконныя стекла забрызганы грязью и по нимъ стекаютъ мутные ручейки отъ дождя. Карета ползетъ на косогорѣ въ бокъ; мамаша держится за ленту отъ окна и очень боится.

Въѣзжаемъ на гать. Это подъ Ряжскомъ. Нескончаемая, ужасная гать! Двигаемся только шагомъ, карета раскачивается во всѣ стороны и задѣваетъ землю подножками, колеи глубокія какъ рвы. А то была бревенчатая мостовая— та еще хуже! Высокій мостъ, — говорятъ опасный, въѣзжаемъ на него, словно на гору. Проѣхали! Но страхъ не проходитъ; темнѣетъ, а гать все тянется. Еще мостъ!

Няня разсказываетъ, что въ этой рѣчкѣ, весной, въ распутицу утонулъ князь Голицынъ. Мамаша все чаще крестится. Съѣхали съ гати, но совсѣмъ темно и страшно.

Говорятъ, здѣсь «поналиваютъ», недавно срѣзали чемоданъ, привязанный къ задку тарантаса.

Оврагъ. Говоримъ Василью въ переднее окошко, чтобы онъ подогналъ ямщика...

Крикъ... Карета сразу останавливается. Василій прыгаетъ съ козелъ; кажется, и Камиль Ивановна крестится. Разбойники? Нѣтъ, упала лошадь подъ форейторомъ... Мамаша плачетъ. Мальчикъ разбился? Слава Богу, нѣтъ, и лошадь цѣла.

Наконецъ Ряжскъ. Тутъ опять почевка.

Гдѣ-то долго сидимъ на станціи: нѣтъ лошадей. Василій и Дмитрій Федоровичъ торгуются съ «вольными». Тронулись, но вотъ опять остановка: шина на колесѣ лопнула, да и дышло, говорятъ ямщики, надломилось. А тарантасъ съ братьями укатилъ впередъ. Счастливые! Колесо снимаютъ при помощи козелъ съ рычагомъ, которымъ поднимаютъ карету, когда смазываютъ колеса саломъ. Кузнецъ гонитъ колесо по улицѣ легко одной рукой, словно серсо. Дышло перевязали веревками, ямщики увѣряютъ, что дойдетъ, что такъ оно даже крѣпче.

Конечно дойдетъ, только бы ѣхать скорѣе!

Тронулись... Станція «Челнавскіе дворики». Какъ хорошо! Вѣдь Челновая — это наша собственная рѣка, она у насъ въ саду течетъ. Тутъ и почтовыя лошади лучше, тоже въ родѣ своихъ, — Комсинскія!

Въѣзжаемъ въ Тамбовъ. Длинная улица съ садиками. Остановились въ маленькомъ бѣломъ домѣ (онъ нашъ). Насъ встрѣчаетъ Егоръ Фроловичъ — управляющій. Зачѣмъ-то пьемъ чай. Только проволочка!

Поѣхали. Остановка... Ахъ, это Петръ Яковлевичъ на какихъ-то особыхъ длинныхъ бѣговыхъ дрожкахъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ навстрѣчу, что бы показать купленную имъ небольшую усадебку какъ разъ на большой дорогѣ; Петру Яковлевичу, я, конечно, радъ, но все-таки надо спѣшить.

Вотъ, наконецъ, Перкино... Всего девять верстъ осталось!

Мѣнять лошадей? Нашъ ямщикъ, говоритъ: «И такъ довезу», но Перкинскіе не хотятъ допустить.

Перепрягли. Дорога гладкая, летимъ чуть ли не все время вскачь. Мамаша то-и-дѣло кричитъ въ окошко: «тише, тише»!.. Но это не помогаетъ, удержать насъ нельзя. Всѣ мы стремимся впередъ, у всѣхъ загорѣлось сердце; мамаша ворчитъ, а сама радостно улыбается, Василій съ козелъ оборачивается ко мнѣ и весело подмигиваетъ, ямщики лихо посвистываютъ...

Налѣво видны крыши, — это хуторъ. Вотъ кирпичный мостикъ черезъ рытвину, — это нашъ мостъ, папаша строилъ. Вотъ Семикино—а вотъ и Спасское!

Широкая, длинная улица, по обѣимъ сторонамъ большія крѣпкія избы; мужики, бабы и ребятишки всѣ останавливаются и низко, въ поясъ, кланяются... Вотъ церковь. Мамаша и Наташа крестятся,—у церкви похоронены свои; за церковью- кирпичная ограда Софьина сада, направо скотный дворъ, налѣво конный дворъ, больница!.. Въѣзжаемъ во дворъ, мимо конторы и кустовъ цвѣтущей сирени. Лужайка, окаймленная бѣлыми столбиками, а вотъ и домъ!

На крыльцѣ наши, а у крыльца дворовые, особенно много женщинъ. Меня вынимаютъ и цѣлуютъ какія-то старухи, я ихъ тоже цѣлую.

«Ишь, какъ выросъ, молодцомъ сталъ!»

Вотъ Мавра Андреевна, Елизавета Артемьевна, Варвара, Груша (я ей привезъ снятую съ конфетки вѣтку красной смородины въ родѣ брошки), Сидоръ, Леонтій Ивановичъ, а вотъ и мой Григорій Ефимовичъ! Всѣ они, — кто цѣлуетъ ручку, кто такъ цѣлуетъ, всѣмъ весело... А мнѣ-то! Господи! Я ихъ всѣхъ такъ люблю...

Вырвался и, сломя голову, бѣгу коридоромъ, черезъ гостиную и цвѣточный балконъ, въ садъ и къ дѣтскимъ куртинамъ, въ «свой садъ», а потомъ на рѣку... Она тутъ же въ саду; вотъ бесѣдка, гротъ, купальня, вотъ обѣ шлюпки у пристани... а тамъ ужъ ничего больше не помню про этотъ день.

Просыпаюсь, и сперва не сознаю гдѣ я. Въ небольшой комнатѣ темновато, но вотъ понемногу вспоминаю все и узнаю свою комнату съ маленькимъ собственнымъ шкапчикомъ. Параша, услышавъ, что я вожусь, раскрыла ставни и подняла кверху нижнюю раму окна, подставивъ подъ нея рамку съ сѣткой изъ марли отъ комаровъ и мухъ, и ко мнѣ въ комнату врывается вся прелесть весенняго деревенскаго утра: дивный, пахнущій цвѣтами, воздухъ быстро наполняетъ комнату, о сѣтку окна бьется, сіяющая подъ лучами солнца, бѣлая бабочка, видна качающаяся отъ вѣтерка вѣтка стоящаго на цвѣточномъ балконѣ у самаго окна какого-то растенія, и слышится совсѣмъ близко чириканье воробьевъ, щебетанье другихъ птицъ, громкое перекликанье иволгъ и курлыканье горлинки.

Лѣто проносится быстро, быстро, ничѣмъ его не удержишь. А какъ бы хотѣлось! Цѣлый день, за исключеніемъ недолгаго, но удивительно скучнаго, ученья съ Егоромъ Яковлевичемъ, сплошное наслажденье. Хлопоты въ своемъ саду, при помощи садовыхъ мальчиковъ,—большихъ моихъ друзей, по разбивкѣ грядъ и клумбъ, и посадкѣ овощей и цвѣтовъ, купанье въ рѣкѣ, до того увлекательное, что изъ воды меня прямо насильно вытаскиваютъ, ловля съ доски, съ которой черпаютъ изъ рѣки воду, раковъ, а на мельницѣ рыбы на удочку, охота за бабочками, лѣсъ, а въ немъ ягоды, грибы, орѣхи; катанье на лодкѣ, поѣздки въ боръ, чай въ «котлѣ»... Всего не перескажешь.

У насъ двѣ шлюпки, одна большая на-четырехъ гребцовъ. Бѣгу къ ней, ужъ все готово: лодка стоитъ у самой пристани бокомъ, гребцы—портные Акимъ и Яковъ Спиридоновичъ, маляръ Константинъ и еще кто-то изъ молодыхъ дворовыхъ, въ красныхъ кумачевыхъ рубашкахъ, плисовыхъ шароварахъ и высокихъ поярковыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями,—сидятъ съ веслами на своихъ мѣстахъ, а мельникъ Аѳанасій на рулѣ. Дно лодки покрыто ковромъ.

Идутъ и старшіе и меня пускаютъ на носъ лодки.

Какъ красива наша Челновая! Плывемъ вдоль сада, мимо купальни, плота, садка, кузницы, выше которой видны

флигель и другія постройки; а съ той стороны луга, съ которыхъ до насъ долетаетъ ароматъ травы и цвѣтовъ. Теперь ужъ слѣва, послѣ огородовъ дворовыхъ, подошелъ къ рѣкѣ молодой лѣсъ; вотъ заливы «Долгій» и «Широкій», густо поросшіе у береговъ камышомъ и кугой съ держащимися на водѣ водяными лиліями и купавками; заливы окаймлены съ обѣихъ сторонъ ольхами и дубами; пристаемъ къ низкому берегу и спускаемся съ лодки по сходнѣ.

Тропинка идетъ по березняку, но вотъ и боръ, гдѣ ужъ одинъ сосны, да такія высокія, что вершину разглядишь только совсѣмъ запрокинувъ голову; на иныхъ вершинахъ сидятъ въ гнѣздахъ цапли: идти тутъ очень пріятно и мягко, земля, покрытая мхомъ, да кое-гдѣ кустиками костеники, черники и брусники, сплошь засыпана старыми пожелтѣвшими сосновыми иглами; по всему бору стоитъ крѣпкій запахъ сосны. «Котелъ», до котораго мы добрались,—это неглубокая, но просторная котловина, очищенная отъ иглъ, сучьевъ и травы; тутъ сосны особенно могучи и стоятъ рѣже; на одномъ изъ подъемовъ котла разложены ковры и подушки, а невдалекѣ у края, наши люди хлопочутъ около кипящаго самовара и телѣги, изъ которой вынимаютъ корзины съ пустой посудой и разными припасами. Но сколько тутъ комаровъ,—нельзя отбиться отъ нихъ! Намъ, дѣтямъ, разрѣшаютъ развести костеръ; быстро натаскиваемъ сухихъ сучьевъ и вѣтокъ, костеръ уже пылаетъ, а мы въ него кидаемъ, для того, чтобы онъ больше дымилъ, свѣжіе сосновые сучки: дымъ помогаетъ отъ комаровъ. Въ бору еще тѣмъ хорошо, что на землѣ валяется пропасть сухихъ сосновыхъ шишекъ, которыми чудесно кидаться другъ въ друга. А рядомъ съ котломъ,—только выйти на опушку,—«Кузнецова поляна» съ чудеснымъ видомъ на луга, Челновую и Арбатскій лѣсъ. Возвращаемся по рѣкѣ домой уже совсѣмъ вечеромъ; чувствуется сырость; съ береговъ поднимается туманъ, онъ стелется также по лугу въ низкихъ мѣстахъ; подъѣзжаемъ къ пристани, когда уже совсѣмъ темно и мамаша дома уже безпокоится...

Эти обрывки воспоминаній ранняго дѣтства относятся еще ко времени крѣпостного права, мрачную сторону котораго я не могъ, конечно, ощущать. Зависѣло это, быть-можетъ, и отъ того, что нашимъ людямъ, какъ крестьянамъ, такъ и дворовымъ, жилось недурно, и наиболѣе тяжелое въ крѣпостничествѣ миновало ихъ, благодаря тому, что отецъ мой былъ человѣкъ гуманный, и самъ мечталъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, подготовляя у себя наступленіе уже ожидавшейся реформы. Отецъ не дожилъ до 19 февраля, но во многомъ, благодаря ему, реформа ввелась у насъ безъ какихъ-либо осложненій или даже недоразумѣній. Вскорѣ же послѣ 19 февраля крестьяне по нашему предложенію вышли на обязательный выкупъ, оставшись довольны отведенной надѣльной землей, а дворовые получили и раздѣлили между собой небольшой участокъ земли у села, на которомъ иные изъ нихъ построились и поселились. Но громадное большинство осталось въ первые годы на нашей усадьбѣ, въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ они жили и раньше. Старики и старухи такъ тамъ и дожили свой вѣкъ, а болѣе молодые разошлись постепенно по разнымъ угламъ Россіи.

Благодаря давно установившимся хорошимъ, довѣрчивымъ отношеніямъ съ крестьянами и тому, что старики дворовые всѣ, а изъ молодыхъ многіе остались у насъ на усадьбѣ, при чемъ первоначально штатъ служащихъ не былъ сокращенъ, внѣшняя картина помѣщичьей усадебной жизни даже не измѣнилась. Эта усадебная жизнь въ крупномъ помѣстьѣ, какимъ было до раздѣла и дробленія наше Спасское, представляла оригинальную картину. Усадьба жила самостоятельно, почти не нуждаясь въ городѣ и доставляя собственникамъ ея все нужное для обихода семьи. Она была крупно населена: два флигеля, контора и при ней квартира управляющаго, больница, аптека, людская съ жилыми помѣщеніями, столярная съ токарней, слесарная, кузница, оранжереи съ теплицей, скотный дворъ, конный дворъ и масса холостыхъ построекъ, какъ-то сараи, кладовыя. Почти на самой усадьбѣ, сейчасъ за садомъ, стояла большая мельница,

окруженная своими постройками, жилыми и нежилыми. И все это было полно. Мастерскія обслуживались своими людьми, многіе изъ которыхъ обучались еще мальчиками въ Москвѣ, и были, какъ, напримѣръ, токарь Ивушка и садовникъ Іонъ Павловичъ, не только мастерами своего дѣла, но прямо талантливыми людьми. У насъ остались еще свои поваръ, портной, сапожникъ,—онъ же шорникъ, хлѣбникъ, маляръ, печникъ, фельдшеръ, школьный учитель и настройщикъ древній старикъ Захаръ Конычъ, игравшій нѣкогда на флейтѣ въ существовавшемъ при прадѣдѣ домашнемъ оркестрѣ. Всѣ они, а также мельникъ съ засыпками, кучера съ конюхами, писарь въ конторѣ, староста, дворецкій, объѣздчики, простые рабочіе были свои, бывшіе дворовые.

Огородъ и садъ съ оранжереями и грунтовыми сараями давали настолько овощей и плодовъ, сохранявшихся въ сыромъ, консервированномъ и сушеномъ видѣ, что ихъ хватало на цѣлый годъ. Молочные продукты, мука, крупа, яйца, дичь, живность, а частью и мясо, всевозможныя соленья, моченья, заготовки, варенья, сиропы, разнообразныя лакомства, шипучки, квасъ, медъ,—все это было свое, непокупное. При поломкѣ мебели, экипажей, сельскохозяйственныхъ орудій обходились тоже своими мастерами, и лишь такіе предметы, какъ книги, журналы, газеты, освѣтительные матеріалы, вина, колоніальные и галантерейные товары и предметы роскоши и моды приходили къ намъ извнѣ, изъ Москвы.

Разъ или два въ году, обычно зимой, пріѣзжалъ одинъ и тотъ же торговецъ, кажется, Гусевъ, съ цѣлымъ обозомъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ,—своего рода амбулаторный «Мюръ и Мерилизъ», ежегодно объѣзжавшій усадьбы помѣщиковъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ. У него было рѣшительно все нужное въ деревнѣ, удаленной отъ города, начиная съ дорогихъ матерій, суконъ, мѣховъ и кончая ванилью, макаронами, духами, почтовой и писчей бумагой. Покупали у него сперва господа рублей на 600 и больше, а потомъ наступалъ чередъ дворни и прислуги, для которыхъ у Гусева тоже былъ не малый запасъ товара. Былъ еще торговецъ,

именовавшійся «Четвергомъ», потому что онъ наѣзжалъ въ Спасское еженедѣльно по четвергамъ, останавливавшійся и раскладывавшій свой скромный мелочной товаръ въ одномъ изъ незанятыхъ помѣщеній въ концѣ усадьбы. Заѣзжали и заходили случайные торговцы и книгоноши, венгерцы и даже странствующіе артисты, но эти уже рѣдко.

Изъ нихъ помню одного почтеннаго на видъ крестьянина безъ какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ городского обихода, представлявшаго съ удивительнымъ совершенствомъ, при помощи самодѣльныхъ дудочекъ и другихъ инструментовъ, пѣніе и крики всѣхъ птицъ, населяющихъ лѣтомъ центральную полосу Россіи, и показывавшаго очень недурно тоже имъ самимъ надуманные фокусы. Лѣтомъ очень часто на усадьбѣ появлялись медвѣди съ ихъ вожаками, иногда русскими, чаще же татарами, и давалось обычное въ тѣ годы представленіе, при которомъ медвѣдь показывалъ, «какъ мужикъ идетъ на барщину», «какъ ребята горохъ воруютъ», «какъ бабы отказываются отъ работы изъ-за головной боли», кувыркался, иногда боролся съ вожакомъ, плясалъ при непремѣнномъ участіи, щипавшей его деревяннымъ клювомъ, «козы» и съ удовольствіемъ пилъ водку, которую ему изъ стакана вплескивали въ открытую пасть. Плясъ медвѣдя и «козы» шелъ подъ пѣніе вожаковъ и аккомпанементъ барабана. Татары пѣли всегда одну и ту же пѣснь на мотивъ: «Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ», но съ особыми своими куплетами и чудны́ми удареніями. Припоминаю такой достаточно странный куплетъ:

«Мнѣ не можно къ обѣднѣ ходить,
Мнѣ не можно Богу молиться
Ай жги, гибери, гибери...»

Еще чаще заходили юродивые самыхъ разнообразныхъ типовъ; одинъ изъ нихъ, появлявшійся ежегодно лѣтомъ, служилъ на крыльцѣ нашего дома очень своеобразную обѣдню, какъ онъ это называлъ, отдаленно напоминавшую временами церковныя молитвы и пѣснопѣнія. Начиналась

его «служба» буквально такъ: «Ай люлю, славъ-ти божу». Помню фразу, возглашавшуюся имъ съ особымъ азартомъ: «Вершитель бо — содержитель нашъ»; а кончалъ онъ свое пѣніе такимъ, много разъ повторяемымъ, выкрикомъ: «Многи ли мнѣ лѣта! Многи ли мнѣ лѣта!»

Мимо нашей усадьбы (она стояла на большой дорогѣ), это было во время Крымской кампаніи, шли и имѣли у насъ дневку ополченцы, направлявшіеся въ Севастополь. Въ памяти моей до сихъ поръ сохранились отрывки текста и мотивовъ исполнявшихся ими пѣсенъ. Одна начиналась такъ:

«Бьютъ походъ, трубятъ тревогу,
Къ Севастополю идемъ.
Помолясь усердно Богу,
Англичанина побьемъ,
И французу на придачу
Таску славную дадимъ»...

Вотъ отрывокъ другой пѣсни:

«Течетъ Дунай быстра рѣчка,
Она не водою.
Рай, рай, рай-рай-рай,
Она не водою»...

Буфетчикъ у насъ тогда былъ дворовый Ананій, и мнѣ казалось, что ратники поютъ тутъ о немъ, такъ какъ выходило, что течетъ рѣчка «Ананій водою».

Въ то время семья наша проводила въ Спасскомъ только лѣто, а на зиму мы переѣзжали въ Москву, но съ 1861 года и вплоть до осени 1865 года часть семьи, а въ томъ числѣ и я, оставались въ деревнѣ и зимою. Я не былъ въ гимназіи и подготовлялся къ университету дома подъ руководствомъ гувернера-нѣмца Herr Strege, Эрнеста Эрнестовича. Это былъ рѣдкій во многихъ отношеніяхъ человѣкъ: глубоко образованный, филологъ по спеціальности, онъ обладалъ

серьезными познаніями и по другимъ отдѣламъ науки, являя изъ себя ученаго энциклопедиста, слабаго лишь въ математикѣ. При этомъ онъ былъ идеалистъ чистѣйшей воды, добродушный, безкорыстный, живой и жизнерадостный. Не разъ мнѣ приходилось, неумышленно, конечно, доводить его до полнаго отчаянія, даже горькихъ слезъ, какою-нибудь нелѣпой шалостью, всего же чаще обнаруженнымъ мною плохимъ знаніемъ уже пройденнаго съ нимъ предмета. Эрнестъ Эрнестовичъ былъ неутомимъ въ работѣ и вѣчно сидѣлъ за книгами, на выписку которыхъ тратилъ большую часть получаемаго жалованья. Помню, что въ числѣ многихъ сентенцій, начертанныхъ имъ крупнѣйшими буквами на полулистахъ картонной бумаги, развѣшенныхъ по стѣнамъ его комнаты, между фотографіями и картинами, была одна такого содержанія: Lange Weil und Müssiggang,— ist des Teüfels Ruhebank.

Изучивъ основательно русскій языкъ, на которомъ онъ, однако, говорилъ съ жестокимъ акцентомъ и неправильно, (онъ часто повторялъ, говоря по-русски, «будемъ посмотрумъ») онъ очень увлекся русской литературой и перевелъ на нѣмецкій языкъ всего Тургенева, много изъ Григоровича, Гончарова, Гоголя, а впослѣдствіи Толстого. Переводы его вышли въ свое время въ Германіи. Штренге писалъ по-нѣмецки новеллы и драматическія произведенія или юмористическія, или ультра-чувствительныя. Двѣ или три изъ его пьесъ мы даже разыграли въ Спасскомъ на домашней сценѣ. Писалъ онъ тоже стихи, а въ дни именинъ и по другимъ торжественнымъ случаямъ подносилъ знакомымъ дамамъ акростихи, или элегантныя изданія нѣмецкихъ поэтовъ съ собственнымъ стихотворнымъ обращеніемъ къ одаряемой. Онъ былъ чрезвычайно чувствителенъ и влюбчивъ и не могъ видѣть ни одной дамы моложе пятидесяти лѣтъ безъ того, чтобы немедленно же не отдать ей свое сердце, совершенно безразлично относясь къ тому, красива или дурна эта дама. Влюбленность свою онъ выражалъ, впрочемъ, только тѣмъ, что писалъ «ей» стихи не только по-нѣмецки, но даже по-фран-

цузски, какъ онъ добросовѣстно думалъ, но въ чемъ усомнился бы всякій, основательно знающій этотъ языкъ. Родомъ Эрнестъ Эрнестовичъ былъ изъ Эйзенаха и терпѣть не могъ пруссаковъ и Бисмарка, нѣсколько помирившись съ ними, какъ впрочемъ рѣшительно всѣ нѣмцы, послѣ франко-прусской войны и возникновенія могущественной Германской имперіи. Гораздо позднѣе, когда я жилъ въ Тулѣ, занимая должность прокурора, Штренге провелъ у меня двѣ зимы, давая въ это время уроки нѣмецкаго языка и латыни сыновьямъ Льва Николаевича Толстого, для чего два раза въ недѣлю ѣздилъ въ недалекую Ясную Поляну на посылавшихся за нимъ лошадяхъ. Помню, что Левъ Николаевичъ очень доброжелательно относился къ нему. Скончался Штренге уже въ дряхломъ возрастѣ въ Германіи, куда онъ переселился по приглашенію родственниковъ, но гдѣ не нашелъ ожидавшагося имъ благополучія. Онъ, долго живя въ Россіи, слишкомъ втянулся въ нашу жизнь, и въ Германіи почувствовалъ себя чужимъ и заскучалъ; въ письмахъ ко мнѣ онъ постоянно жаловался на скудость, филистерство и убійственную мелочность нѣмецкой жизни, вѣрнѣе жизни того круга, въ который попалъ, и собирался вернуться въ Россію. Но болѣзнь и старческая слабость помѣшали ему въ этомъ.

Благодаря долгому и близкому общенію съ хорошо образованнымъ германцемъ, не чуждымъ писательству, изъ меня получился ко времени поступленія въ университетъ совершенный нѣмецъ, знавшій наизусть множество стиховъ Гейне, увлекавшійся Гёте, Шиллеромъ, Уландомъ, гораздо болѣе вообще знакомый съ нѣмецкой литературой, чѣмъ съ русской. Въ усвоеніи «русскаго» и другихъ наукъ, которымъ былъ чуждъ Штренге, мнѣ помогалъ нашъ деревенскій священникъ, человѣкъ еще молодой и достаточно развитой, а также нѣсколько учителей Тамбовской гимназіи, къ которымъ я ѣздилъ (за 50 верстъ) отъ времени до времени для повѣрки пройденнаго мною дома.

Въ тѣ же годы я часто встрѣчался съ двумя иностранцами, заслуживающими упоминанія. Одинъ изъ нихъ, дат-

чанинъ Вильгельмъ Францевичъ Стрибольтъ, былъ учителемъ рисованія и чистописанія въ городскомъ училищѣ въ Моршанскѣ, отстоящемъ отъ Спасскаго въ 30 верстахъ, и часть лѣта проводилъ всегда у насъ, пріѣзжая и зимой по праздникамъ. Какъ Стрибольтъ попалъ изъ Даніи въ Моршанскъ, не знаю, но сношенія его съ нашей семьей начались по поводу уроковъ рисованія, которые онъ давалъ лѣтомъ братьямъ. Онъ тоже хотя и бѣгло, но плохо говорилъ по-русски и еще больше чѣмъ Штренге былъ идеалистомъ, человѣкомъ въ высшей степени сантиментальнымъ и влюбчивымъ. Наружностью Вильгельмъ Францевичъ обладалъ неподходящей для влюбленнаго романтика: онъ былъ высокъ ростомъ, худъ, лысъ, имѣлъ оловяннаго вида глаза, синеватаго цвѣта большой носъ, усы и бороду брилъ, оставляя бакенбарды, казавшіяся неумѣстными и словно приклеенными къ его худому лицу; передъ тѣмъ какъ заговорить, онъ долго жевалъ губами. Стрибольтъ былъ холостъ и въ глубинѣ сердца всю жизнь хранилъ, подобно извѣстному по Кузьмѣ Пруткову рыцарю Гриньвальусу, возвышенную любовь къ одной дамѣ, да и въ остальныхъ своихъ, даже временныхъ, увлеченіяхъ придерживался чувству, именуемому платоническимъ. Трудно было, взглянувъ на Стрибольта, повѣрить, что онъ былъ носителемъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, — такимъ онъ казался сухимъ, строгимъ, холоднымъ,— но онъ и не расточалъ своихъ нѣжныхъ чувствъ и проявлялъ ихъ или въ уединенной бесѣдѣ съ дамой сердца, гдѣ-либо въ саду, при свѣтѣ луны, или при самыхъ близкихъ людяхъ и когда брался за гитару, при чемъ пѣлъ подъ ея аккомпанементъ датскіе романсы и пѣсни до того печальные и столь унылымъ голосомъ, что самъ не выдерживалъ своего пѣнія и плакалъ. Бо́льшей аккуратности, умѣренности (онъ совсѣмъ не пилъ вина, а если и ѣлъ, то очень мало), чистоплотности и любви къ порядку, чѣмъ было у Стрибольта, нельзя себѣ представить. Эти его свойства особенно рѣзко бросались въ глаза въ Моршанскѣ, городѣ, въ которомъ на улицахъ и площадяхъ

всегда царила грязь, весною и осенью даже проѣхать было трудно, а разъ пѣшеходъ, возвращаясь изъ трактира, упалъ въ лужу и, будучи не въ силахъ выбраться изъ нея, утонулъ, захлебнувшись грязью, и гдѣ жители не безъ иронiи относились къ потребности въ чистотѣ и къ антипатiи къ животнымъ въ родѣ клоповъ и таракановъ, да и вообще являли изъ себя полную противоположность перечисленнымъ свойствамъ Вильгельма Францевича. Однако онъ не унывалъ въ Моршанскѣ и даже превратился со временемъ въ мѣстнаго общественнаго дѣятеля, ставъ директоромъ-распорядителемъ Моршанскаго клуба. Онъ завелъ тамъ, не безъ борьбы, конечно, порядокъ, чистоту и благочиніе. Ему удалось даже довести клубъ до совершенства: тамъ одно время былъ свой хорошiй оркестръ, создавшiйся изъ обломковъ домашняго оркестра разорившагося помѣщика Лiона, устраивались спектакли и балы, а драки и скандалы учинялись лишь изрѣдка. Получая крошечное жалованье, Стрибольтъ сумѣлъ скопить капиталъ въ 400, кажется, рублей и на эти деньги осуществилъ годами лелѣянную мечту, совершивъ заграничное путешествiе, при чемъ объѣхалъ всю Европу, не истративъ даже всего этого капитала. Подъ конецъ жизни Стрибольтъ расцвѣлъ въ матерiальномъ отношенiи, получивъ хорошо оплачиваемое мѣсто кассира на дошедшей и до Моршанска желѣзной дорогѣ.

Полной противоположностью Стрибольта былъ нѣмецъ, родомъ изъ Берлина, Федоръ Богдановичъ Гравертъ, человѣкъ выдающейся талантливости, къ несчастью не сумѣвшiй въ свое время остановиться на одной какой-нибудь спецiальности, а потому разбросавшiйся и не пошедшiй дальше дилетантства. Онъ былъ, какъ говорятъ нѣмцы, ein Tausendkünstler, музыкантъ-композиторъ, живописецъ, садовникъ, механикъ, столяръ, игрушечныхъ дѣлъ мастеръ, часовщикъ, при этомъ отличный стрѣлокъ, наѣздникъ и т. д. Въ Россiю Гравертъ пріѣхалъ въ качествѣ учителя музыки, и сношенiя нашей семьи съ нимъ возникли на этой именно почвѣ. Онъ тогда жилъ въ сосѣднемъ съ нами большомъ имѣнiи

княгини Т. П. Голицыной, рожденной Любомирской, знаменитой въ свое время красавицы, описанной Вигелемъ въ его воспоминаніяхъ, но ѣздилъ постоянно къ намъ, и даже одно или два лѣта провелъ въ Спасскомъ. Позднѣе онъ поселился опять въ Сосновкѣ, но уже не у Голицыныхъ, а на усадьбѣ П. Д. Прокунина, собственника купороснаго завода, расположеннаго при томъ же селѣ. Федоръ Богдановичъ, будучи учителемъ музыки на фортепіано, игралъ, однако, кажется на всѣхъ существующихъ музыкальныхъ инструментахъ; имъ было сочинено и, если не ошибаюсь, издано нѣсколько легкихъ фортепіанныхъ вещей въ родѣ вальсовъ и маршевъ, а кромѣ того, была написана и оркестрована большая опера на сюжетъ только что появившагося тогда въ печати «Князя Серебрянаго» графа Толстого. Партитура этой, несомнѣнно, интересной въ музыкальномъ отношеніи оперы хранится и теперь въ семьѣ родственниковъ супруги Граверта, русской по происхожденію. Поставить свою оперу на сценѣ Ф. Б. не удалось; ее было необходимо переработать, особливо въ отношеніи оркестровки, т. к. въ ней оказалось не мало крупныхъ промаховъ и ошибокъ технического характера, зависѣвшихъ отъ недостаточной подготовки автора къ музыкальному творчеству; но въ произведеніи этомъ есть прекрасныя мелодичныя мѣста и сказалась выдающаяся талантливость Граверта. Талантливость эта проявлялась рѣшительно во всемъ; не было, казалось, вещи, которой не могъ бы сдѣлать Гравертъ; онъ не только писалъ масляными красками очень недурныя картины, но самъ дѣлалъ къ нимъ изящныя и оригинальныя рамы, изобрѣлъ особый способъ отдѣлки художественной мебели, и сооружалъ собственноручно великолѣпныя механическія и другія игрушки. При этомъ Ф. Б. обладалъ веселымъ, общительнымъ характеромъ и умѣлъ довольствоваться условіями жизни, въ которыя его поставила судьба. Большую часть жизни онъ провелъ въ деревнѣ, въ Сосновкѣ, въ гостепріимномъ домѣ П. Д. Прокунина, на сестрѣ котораго былъ женатъ, и благодаря этому совершенно обру-

сѣлъ, не чувствуя ни малѣйшаго тяготѣнія къ нѣмецкой родинѣ.

На нашей усадьбѣ жилъ еще человѣкъ оригинальнаго склада — докторъ Петръ Яковлевичъ Майоръ, нѣмецъ, но лишь по происхожденію; онъ окончилъ курсъ медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, вскорѣ по выходѣ изъ университета, онъ пріѣхалъ, по приглашенію отца, въ Спасское въ качествѣ домашняго врача, да такъ и прожилъ всю свою жизнь до глубокой старости въ нашей семьѣ, оставаясь въ деревнѣ даже въ тѣ годы, когда мы на зиму переѣзжали въ Москву. Подъ конецъ жизни Майоръ перебрался въ Тамбовъ, гдѣ и скончался въ семидесятыхъ годахъ.

Вообще у насъ въ Спасскомъ не только лѣтомъ, когда и главный домъ, и флигеля наполнялись пріѣзжими, но и зимой живало подолгу много гостей, — родственниковъ, друзей, сосѣдей и просто знакомыхъ, людей иногда безпріютныхъ, нуждавшихся иной разъ во временномъ убѣжищѣ. Между ними бывали нерѣдко лица въ высшей степени интересные, талантливые, благодаря чему деревенская жизнь наша проходила оживленно, весело и разнообразно. Въ Спасскомъ была большая, особенно по отдѣлу французской литературы, библіотека, получались газеты, нѣсколько русскихъ журналовъ, über Land und Meer и Revue des deus mondes, выписывались выходившія въ свѣтъ новыя книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а также музыкальныя новинки для фортепіано. Въ одной изъ большихъ комнатъ дома существовала возведенная домашними средствами сцена, и въ теченіе года на ней давалось нѣсколько спектаклей, при чемъ нерѣдко ставились пьесы, написанныя кѣмъ-либо изъ постоянныхъ или временныхъ обитателей Спасскаго. Одна пьеса, — въ жанрѣ легкой комедіи, написанная проводившимъ у насъ ту зиму Ипполитомъ Николаевичемъ Павловымъ, заслуживала появленія ея на сценахъ столичныхъ театровъ, но она осталась неизвѣстной публикѣ, и

рукопись ея, кажется, погибла. Павловъ—это сынъ нѣкогда извѣстной писательницы, бывшій одно время издателемъ «Русскихъ Вѣдомостей», выдающійся педагогъ и превосходный переводчикъ «Фауста» Гете, къ сожалѣнію, не докончившій этого перевода.

Развлеченій зимнихъ и лѣтнихъ было въ прежней деревенской, помѣщичьей жизни много, и они, чередуясь съ занятіями и работами, совершенно наполняли время; обитатели нашей усадьбы понятія не имѣли о скукѣ или апатіи, хотя, случалось, за цѣлый годъ не выѣзжали изъ деревни дальше сосѣдей, или изрѣдка уѣзднаго или губернскаго города. Зимой и лѣтомъ мужская половина спасскаго общества съ увлеченіемъ предавалась охотѣ, очень прибыльной въ то время, благодаря обилію всевозможной дичи, по которой мы охотились облавами, съ легавыми собаками, съ гончими (охота съ борзыми не была у насъ въ ходу), — въ лѣсахъ, лугахъ, болотахъ, на озерахъ, по разливамъ Цны и Челновой, и даже въ поляхъ (осенью по дрофамъ). Дѣтская половина общества, да и молодежь юношескаго возраста, зимою забавлялась катаньемъ въ салазкахъ съ высокой ледяной горы на рѣку, катаньемъ на конькахъ, на карусели, устраивавшейся на льду рѣки, а у старшихъ было свое: катанье на тройкахъ въ перегонки, посѣщеніе сосѣдей (ближайшіе сосѣди жили верстахъ въ 20, а дальніе, хотя они все-таки считались сосѣдями, верстъ за 60), на Рождество ряженными; устраивались праздниками даже танцы подъ фортепіано, импровизировались спектакли, музыкально-литературные вечера и всевозможные «jeux d' esprit»; карточная игра у насъ не была въ ходу, но иногда играли въ преферансъ и ералашъ.

Особенно хорошо жилось лѣтомъ мнѣ и товарищу моему Васѣ Прокунину, воспитывавшемуся у насъ тѣмъ же Herr Strenge до четырнадцатилѣтняго возраста. Ученье съ іюня почти совсѣмъ прекращалось, и намъ давали сравнительно большую свободу. И какъ хорошо дѣлали, что намъ ее давали! Какъ мы ею наслаждались и цѣнили ее!

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что это было самое счастливое (сознательно-счастливое!) время нашей жизни.

Наскоро проглотивъ утренній чай, при которомъ мы должны были обязательно присутствовать, мы отправлялись съ Васей или на мельницу, или просто на рѣку ловить рыбу, или раковъ, а позднѣе, послѣ завтрака, къ которому мы являлись аккуратно, въ лѣсъ пѣшкомъ или на лодкѣ-челночкѣ. Помню, что на мельницѣ насъ особенно привлекалъ теплякъ, который мы непремѣнно посѣщали. Уже слѣзать въ него съ плотины было пріятно: приходилось идти, балансируя и придерживаясь одной рукой за наружную бревенчатую стѣну мельницы, такъ какъ, круто спускавшаяся къ двери тепляка, сходня не имѣла перилъ, а подъ нею видѣлись быстро несущаяся, какъ бы кипящая, вода и торчащія изъ нея полугнившія черныя сваи. Какъ только, бывало, войдешь въ теплякъ, то царствовавшій тамъ полумракъ, разсѣваемый зеленоватымъ освѣщеніемъ снизу, совершенно особенный воздухъ — теплый, сырой и спертый, запахъ рѣки, подгнивающаго дерева и вара, громадное черное колесо, блестѣвшее брызгами, медленно, торжественно съ глухимъ шумомъ вертѣвшееся подъ напоромъ воды, быстрымъ потокомъ стремившейся изъ-подъ него, водяная пыль, обдававшая входившаго, непрестанный гулъ и мѣрное постукиванье, слышавшіеся изъ-за стѣны, чувствовавшееся во всемъ зданіи содроганье и толчки, — все это создавало таинственную, располагавшую къ волшебному, обстановку, невольно дѣйствовавшую на насъ, и мы, бывало, подолгу молча просиживали у колеса, загипнотизированные его правильнымъ движеніемъ.

Но всего лучше были прогулки по рѣкѣ. Гребя въ два весла, мы быстро плыли въ челночкѣ и въѣзжали въ луга, кое-гдѣ скрытые отъ глазъ прибрежною порослью, настолько высокой, что намъ было видно «только небо да камышъ», и, наконецъ, въ лѣсъ, въ чудный дубовый лѣсъ, росшій по обѣ стороны рѣки.

Какъ хороши были впадавшія въ Цну маленькія рѣчки, теченіе которыхъ терялось въ лѣсу, образовывавшемъ при устьѣ ихъ тѣнистыя аллеи, шедшія надъ ними въ глубь!

Иногда лѣсъ съ какой-либо стороны отступалъ отъ берега, обнаруживая лужайку, спускавшуюся къ самой водѣ пологимъ песчанымъ скатомъ, на которомъ валялась кверху дномъ вытащенная лодка, а на берегу висѣли, просыхая, на воткнутыхъ въ землю кольяхъ, рыбачьи сѣти; а то неожиданно показывалась одинокая лѣсная сторожка, стога сѣна около нея, нѣсколько коровъ, забравшихся у берега въ воду... Часто встрѣчавшіеся заливы, въ глубинѣ которыхъ видѣлись засѣвшія на водѣ массами бѣлыя лиліи и желтыя кувшинки съ широкими блестящими листьями, манили заѣхать въ нихъ и пристать къ зеленому берегу. Все кругомъ было полно свѣта и сіянья: рѣка блестѣла подъ яркими лучами солнца, отражая въ тѣнистыхъ мѣстахъ прибрежныя деревья и голубое небо, изрѣдка подергиваясь подъ налетѣвшимъ порывомъ вѣтра мелкою рябью. Сіялъ и лѣсъ и камышъ, воздухъ трепеталъ теплomъ, и всюду кипѣла веселая жизнь: надъ самой водой летали темно-синія тонкокрылыя стрекозы, садясь на торчавшіе кое-гдѣ, гнувшіеся отъ теченія, стебли куги, вдоль берега, совсѣмъ низко, носились другъ за другомъ, улетая впередъ отъ лодки, лазоревыя зиморовки, десятки рѣчныхъ ласточекъ срывались порой съ возвышеннаго песчанаго берега, въ которомъ можно было различить круглыя отверстія изъ гнѣздъ-пещеръ, неуклюже перелетала рѣку, спугнутая нами, длинноногая цапля; въ лѣсу слышалось чириканье пташекъ, а съ высокаго дуба слеталъ, неспѣша, орелъ и плавно, могучими взмахами крыльевъ, поднимался въ вышину; близко налетали стайками бѣлые рыбники (чайки), бросавшіеся за добычей въ самую воду... А въ затонахъ рѣки слышались громкіе всплески крупной рыбы, и можно было замѣтить расходившіеся по водѣ круги и метавшуюся по поверхности, даже выбрасывавшуюся въ ужасѣ на берегъ, мелкую рыбешку...

Но насъ, подростковъ, брали старшіе и на большія экскурсіи, длившіяся цѣлый день. Такая прогулка предпринималась обычно по тоій же Циѣ, въ которую наша Челновая впадала въ верстѣ отъ усадьбы. Все наше очень большое общество усаживалось въ лодку съ палубоій, служившую весною, «въ полую воду», поромомъ, съ шестью и даже съ восемью гребцами. Ѣздили иногда и въ лодкѣ меньшихъ размѣровъ съ парусомъ, и обычно доѣзжали до «Мамонтовскоій мельницы» верстахъ въ десяти отъ Спасскаго. Въ Мамонтовѣ, имѣніи, принадлежавшемъ тогда герцогамъ Лейхтенбергскимъ, а еще раньше графу Кутайсову, которому оно было пожаловано Императоромъ Павломъ, имѣлось при сельскоій церкви, считавшееся окрестнымъ населеніемъ чудотворнымъ, изображеніе святителя Николая, — небольшая деревянная статуя, облеченная въ серебряную ризу, по преданію, принесенная теченіемъ рѣки къ тому мѣсту берега, гдѣ и была воздвигнута церковь. Но еще не доѣзжая Мамонтова, мы высаживались гдѣ-либо у красивоій лѣсноій поляны, выгружали взятую съ собою провизію и посуду, и общими усиліями готовили обѣдъ, а возвращались домой уже всегда въ темноту при обязательномъ хоровомъ пѣніи.

Позднѣе, когда я былъ студентомъ, у насъ въ Спасскомъ жилось лѣтомъ все также весело, шумно и многолюдно. Постояно устраивались всевозможныя parties de plaisir и прогулки, чему помогала красивая мѣстность, окружавшая Спасское; бывало, недолгія лѣтнія ночи, — теплыя, благоуханныя, ласковыя въ безвѣтренноій ихъ тиши, просиживали мы до утра въ саду надъ рѣкой, да по аллеямъ, разбившись на группы и парочки, присаживавшіяся гдѣ-нибудь на скамейкѣ. Не обходилось, конечно, безъ влюбленности, въ большинствѣ наивно-юношескоій, мечтательно-невинноій, длившейся обычно недолго, но завязывались и серьезные романы, кончавшіеся впослѣдствіи бракомъ. Жилось въ тѣ годы удивительно хорошо, просто, привольно и беззаботно. Тогдашняя молодежь откровенно веселилась, безъ

всякаго ломанья и позы; о какой-либо разочарованности, о скукѣ жизни мы и не слыхали. Помню, съ какимъ увлеченіемъ всѣ мы, уже юноши, предавались на лужайкѣ передъ домомъ такимъ играмъ, какъ горѣлки, бары, съ какимъ дѣйствительнымъ веселіемъ «господская» молодежь обоего пола принимала участіе по воскресеньямъ въ играхъ дворовыхъ. Сколько разъ я, играя въ «городки», возилъ на себѣ, проигравъ партію, Мишку—буфетнаго мальчика, Ваську—кузнеца. Процвѣтали, но уже только между господами, бильярдная игра и въ особенности кегли.

Музыка въ обиходѣ жизни обитателей Спасскаго имѣла немалое значеніе; лѣтомъ она проявлялась всего болѣе въ хоровомъ пѣніи народныхъ пѣсенъ, а зимой преобладала игра на фортепіано, дуэты со скрипкой, тріо съ ней и фисгармоніей и пѣніе по нотамъ. Скрипичную партію исполнялъ, принятый къ намъ въ домъ, въ качествѣ слуги брата Владимира, бывшій дворовый человѣкъ тамбовскаго помѣщика, очень богатаго, но потомъ разорившагося, Ліона, Иванъ Іоновичъ, еще совсѣмъ молодой, исполнявшій у Ліона обязанности «первой скрипки» содержавшагося имъ до наступленія матеріальнаго краха прекраснаго домашняго оркестра. Иванъ Іоновичъ—выдающійся талантливостью и музыкальностью человѣкъ, прямо виртуозъ на скрипкѣ, очутился, когда Ліонъ былъ вынужденъ распустить свой оркестръ, буквально «на большой дорогѣ», безъ единой копейки, съ одной скрипкой въ плохомъ футлярѣ и нѣкоторымъ количествомъ канифоли. Въ такомъ видѣ, путешествуя пѣшкомъ, съ узелкомъ въ одной рукѣ и скрипкою въ другой, онъ, проходя мимо Спасскаго, расположеннаго на большой дорогѣ, зашелъ на усадьбу и съ радостью согласился остаться у насъ на положеніи «двороваго человѣка», исполняя до нѣкоторой степени обязанности камердинера, а главнымъ образомъ придворнаго музыканта. По прошествіи двухъ лѣтъ Иванъ Іоновичъ, собравъ за это время небольшую сумму денегъ, полученную отчасти съ концерта, устроенаго при нашемъ содѣйствіи и участіи въ

Моршанскѣ, а также игрою на скрипкѣ въ частныхъ домахъ и собраніяхъ въ Тамбовѣ, куда онъ отпускался временами, и, скопивъ жалованье, поселился въ Моршанскѣ, составивъ, главнымъ образомъ изъ бывшихъ товарищей по службѣ у Ліона, очень недурный оркестръ, и сталъ во главѣ его.

Помню, какъ разъ—это было глубокою осенью—у насъ прогостилъ нѣсколько дней, совершенно неожиданно, превосходнѣйшій музыкантъ-пѣвецъ Безобразовъ, до тѣхъ поръ намъ незнакомый. Онъ ѣхалъ изъ Тамбова, кажется, въ свое имѣніе, но въ Спасскомъ, посреди села, сломался его экипажъ—дорожная карета. Остановившись первоначально на селѣ, Безобразовъ узналъ, что мѣстные помѣщики проживаютъ у себя, и отправился на нашу усадьбу пѣшкомъ, а увидавъ въ окошко во флигелѣ, гдѣ жилъ въ то время братъ, игравшаго на скрипкѣ Ивана Іоновича, обрадовался проявленію въ глуши любимаго имъ искусства, и уже смѣло вошелъ къ брату и передалъ ему о своемъ злоключеніи. Конечно, неожиданнаго гостя немедленно перевели изъ села къ намъ въ домъ, а починку кареты поручили своему кузнецу, и Безобразовъ, хотя экипажъ его былъ исправленъ очень быстро, пробылъ въ Спасскомъ съ недѣлю, принимая съ увлеченіемъ участіе въ нашихъ музыкальныхъ исполненіяхъ. Разстались мы съ нимъ великими друзьями, но потомъ уже не встрѣчались больше.

Осень, особенно поздняя, дождливая, холодная, съ обязательнымъ бездорожьемъ, непролазною грязью, въ которой увязали экипажи, лошади и даже люди, а позднѣе замерзавшей и дѣлавшей тѣмъ всякую ѣзду прямо неосуществимой, съ вѣчно темно-свинцовымъ тяжелымъ небомъ, жестокими вѣтрами, оголявшими до послѣдняго листа деревья сада, печально качавшія корявыми черными сучьями,—была единственнымъ временемъ, приносившимъ намъ нѣсколько пониженное настроеніе. Иной разъ въ теченіе ряда дней нельзя было выйти изъ дома, и тутъ ужъ всѣ члены Спасскаго общества обращались къ библіотекѣ и читали

«заносомъ». Но стоило выпасть снѣгу, и меланхолическое настроеніе исчезало. Помню, что этотъ первый снѣгъ появлялся всегда сюрпризомъ, выпавъ за ночь, и, бывало, какъ только увидимъ утромъ въ окно бѣлую пелену его и на лужайкѣ сада, и на дальнихъ лугахъ, и красиво одѣвшіеся имъ кусты и деревья, — какъ тотчасъ же радостное и энергичное настроеніе охватывало каждаго изъ насъ. Впечатлѣніе, производимое на деревенскаго жителя первымъ снѣгомъ, прекрасно описано въ одномъ изъ стихотвореній А. Жемчужникова (1880 года). Обязательное сидѣніе дома прекращалось, и съ перваго же зимняго дня застоявшіяся тройки, запряженныя въ пошевни, а то просто въ дровни, быстро мчали насъ, бывало, по первопутку въ луга, лѣсъ и къ сосѣдямъ.

Изъ сосѣдей упомяну о семьѣ Прокушиныхъ. Семья эта состояла изъ Павла Діомидовича и Юліи Павловны, рожденной княжны Голицыной, и четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, Вася, былъ въ дѣтствѣ моимъ ближайшимъ товарищемъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ у насъ въ Москвѣ и Спасскомъ.

Павелъ Демидовичъ былъ сынъ купца, владѣвшаго, расположеннымъ при сосѣднемъ большомъ селѣ Сосновкѣ, купороснымъ заводомъ. Большая часть крестьянскаго населенія села составляла собственность князей Голицыныхъ, проживавшихъ тутъ же на своей усадьбѣ. Павелъ Діомидовичъ, умный, энергичный человѣкъ, былъ въ молодости очень красивъ и обаятеленъ, а потому неудивительно, что когда онъ, по окончаніи курса въ Московской коммерческой академіи (что и теперь на Остоженкѣ), вернулся домой и поселился на заводѣ, вступивъ въ управленіе имъ, при чемъ ему приходилось по дѣламъ, да и просто пососѣдству, бывать у князей Голицыныхъ, на ихъ роскошной усадьбѣ, что одна изъ княженъ, милая, сердечная дѣвушка, всей своей послѣдовавшей жизнью доказавшая безпредѣльную доброту свою и вообще высокія нравственныя качества, замѣтивъ явную влюбленность въ нее молодого заводчика, тоже

не осталась къ нему равнодушной. Между ними возникъ романъ, обставленный всей прелестью старинныхъ классическихъ романовъ,—таинственностью, рѣдкими свиданіями, робостью обѣихъ сторонъ передъ старшими и даже другъ передъ другомъ, запретностью ихъ чувства въ виду неравенства положенія молодыхъ людей, въ тѣ времена составлявшаго почти непреодолимое препятствіе къ благополучному окончанію романа. Но чувство искренней любви — большая сила, что и сказалось въ данномъ случаѣ. Въ концѣ-концовъ, романъ завершился счастливо; послѣ долгихъ, конечно, отказовъ, запретовъ и колебаній, старуха княгиня согласилась на бракъ ея дочери съ купцомъ, и романъ окончился отпраздновавшейся на заводской усадьбѣ веселой свадьбой.

Кажется, на согласіе княгини выдать дочь замужъ за купца повліялъ совѣтъ моего отца не мѣшать счастью молодыхъ людей, въ виду несомнѣнности и серьезности взаимнаго ихъ чувства. Понятно, что поэтому отецъ былъ на свадьбѣ въ качествѣ особенно почетнаго гостя. Это обстоятельство поставило было его на нѣкоторое время въ очень стѣснительное положеніе. Свадьба происходила лѣтомъ, днемъ, и настолько торжественно, что былъ выписанъ изъ губернскаго города оркестръ музыки. Этому оркестру старикомъ Прокунинымъ, отцомъ новобрачнаго, было приказано, въ знакъ особаго вниманія къ отцу, повсюду за нимъ слѣдовать и по возможности непрестанно услаждать его слухъ музыкой. Отецъ, не зная о такомъ распоряженіи, послѣ обѣда отправился, закуривъ сигару, въ садъ и предполагая, что онъ одинъ, сталъ поправлять туалетъ, снявъ для того сюртукъ. Но въ этотъ именно моментъ раздался громкій аккордъ мѣдныхъ инструментовъ оркестра, заигравшаго торжественный маршъ, и пораженный отецъ увидалъ, что онъ буквально окруженъ незамѣтно послѣдовавшими за нимъ музыкантами и многочисленными любителями музыки изъ заводской рабочей молодежи. Отецъ, желая на нѣкоторое время уединиться, поспѣшно ушелъ въ другое мѣсто, но оркестръ, къ величайшему удивленію и недоумѣ-

нію отца, слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и въ концѣ-концовъ вынудилъ его вернуться въ домъ и просить избавить его отъ неотвязчивыхъ музыкантовъ.

Товарищъ мой и однолѣтка, Вася Прокунинъ, въ дѣтствѣ былъ живымъ, веселымъ, добродушнымъ, очень талантливымъ, особенно въ отношеніи музыки, мальчикомъ и всѣ эти качества сохранилъ до старости. Его уже нѣтъ больше въ живыхъ, и тѣмъ увѣреннѣе скажу, вспоминая друга дѣтства, что рѣдко кто въ наше время сумѣлъ такъ сохранить до конца жизни нравственную чистоту и довѣрчиво-дѣтскую, незапятнанную душу. Мальчикомъ пяти лѣтъ Вася, играя на фортепіано, участвовалъ въ концертѣ, устроенномъ въ Моршанскѣ въ пользу раненыхъ въ Севастопольскую кампанію вышеупомянутымъ мною Гравертомъ. Расположеніе къ музыкѣ Васи повело къ тому, что это искусство стало впослѣдствіи главнымъ дѣломъ его жизни. Послѣ него осталось нѣсколько очень мелодичныхъ и задушевныхъ романсовъ.

Я былъ близокъ и со слѣдовавшимъ по возрасту за Васей братомъ его Пашей, хотя онъ росъ и воспитывался внѣ нашей семьи. (Передъ поступленіемъ единовременно со мною въ Московскій университетъ оба брата въ теченіе двухъ лѣтъ пробыли въ Московскомъ, славившемся въ то время, пансіонѣ Циммермана, бывшемъ Эннеса). Паша Прокунинъ, давно тоже скончавшійся, былъ человѣкъ иного склада и духовнаго облика; онъ былъ въ общемъ хорошій человѣкъ, но не обладалъ идеальной духовной красотой, составлявшей выдающуюся черту его старшаго брата. Онъ былъ уменъ, энергиченъ, смѣлъ и въ то же время добродушенъ, но слабъ характеромъ; онъ не всегда умѣлъ справляться со своими страстями и слабостями. Жизнь его, въ полную противоположность, тихо, мирно, въ исключительно семейной обстановкѣ, протекшей жизни старшаго его брата, была полна приключеній и не была счастливой. По окончаніи курса на естественномъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ онъ спеціально и съ выдающимся успѣхомъ изучалъ химію,

онъ счелъ себя обязаннымъ отказаться отъ дальнѣйшихъ теоретическихъ научныхъ работъ по химіи, хотя ему было предложено остаться при университетѣ; онъ считалъ своимъ долгомъ поселиться въ Сосновкѣ, на купоросномъ заводѣ отца и работать при немъ. Къ этому времени дѣла старика Прокушина оказались въ плохомъ состояніи, и заводъ пришелъ въ упадокъ, на что первоначально повліялъ застой въ дѣлахъ, вызванный отозвавшейся и на нашей хлопчато-бумажной промышленности войною Американскихъ Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными; производство купороса добычей его изъ руды замѣнилось болѣе выгоднымъ химическимъ способомъ; заводское дѣло было обременено долгами, и казалось, ему не было спасенія. Отецъ Паши состоялъ въ это время мировымъ судьею и отдавалъ все свое время исполненію пришедшихся ему по сердцу судейскихъ обязанностей. Паша возмечталъ спасти отъ окончательной гибели промышленное дѣло, возникшее еще при Петрѣ, примѣнивъ къ купоросному производству свои познанія по химіи и свою молодую энергію и дѣловитость, и сталъ самостоятельно управлять заводомъ, а также и коммерческою стороной дѣла. Взятая имъ на себя задача была не легка: оборотный капиталъ отсутствовалъ, кредитъ былъ подорванъ, администрація завода не сочувствовала и не довѣряла радикальнымъ реформамъ, вводившимся молодымъ Прокушинымъ. Тѣмъ не менѣе онъ энергично приступилъ къ работѣ и въ началѣ, казалось, что его ожидаетъ успѣхъ; онъ завелъ нѣсколько новыхъ производствъ, завязалъ непосредственныя сношенія съ фабриками, потреблявшими вырабатываемые на его заводѣ продукты и года три-четыре велъ заводское дѣло, казалось, съ успѣхомъ. Но успѣхъ этотъ былъ показной, на самомъ дѣлѣ заводъ работалъ въ убытокъ, что объяснялось тѣмъ, что дѣло свыше мѣры было обременено долгами и проценты не только поглощали весь чистый доходъ, но требовали для уплаты ихъ новыхъ займовъ. Паша, надѣясь вначалѣ на успѣхъ, запутывался все больше и больше, подъ конецъ уже сознавая, что скоро наступитъ крахъ, но не рѣшался

откровенно это признать и ликвидировать, пока не поздно, дѣло.

Наконецъ крахъ наступилъ. Паша привелъ въ возможный порядокъ заводскіе документы, книги, счета, передалъ приказчику оставшіяся въ кассѣ деньги и все заводское имущество, а самъ, будучи не въ силахъ присутствовать при крушеніи дѣла, въ которое онъ долго вѣрилъ и вложилъ всѣ свои способности и всю энергію, чувствуя въ то же время виновность свою передъ лицами, довѣрявшими ему и открывшими ему кредитъ, не оправданный имъ, — уѣхалъ съ завода... и исчезъ. Никто рѣшительно не зналъ, что съ нимъ сталось и куда онъ скрылся. Это не было бѣгство злостнаго банкрота. Прокунинъ не взялъ съ собой ни денегъ, ни иныхъ цѣнностей и оставилъ заводъ такимъ же неимущимъ, какимъ онъ приступилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ управленію имъ. Самое цѣнное, взятое имъ съ собою, были золотые часы, давнишній подарокъ ему кого-то изъ родственниковъ. Продавъ часы и золотую цѣпочку, онъ на эти небольшія деньги отправился, скрывъ ото всѣхъ свой маршрутъ, въ восточную Сибирь. Прокунинъ заранѣе обдумалъ планъ будущихъ своихъ дѣйствій. Дальній востокъ, съ его почти не эксплуатируемыми еще естественными богатствами, при громадномъ спросѣ на культурныхъ людей, обладающихъ тѣми или другими техническими познаніями, казался ему мѣстностью, гдѣ онъ сможетъ съ успѣхомъ приложить свои познанія, теоретическія и практическія, и добиться, въ сравнительно скорое время, крупнаго успѣха, другими словами, заработать себѣ состояніе и тогда вернуться домой, выплативъ оставшіеся не отданными долги, выкупить и блестяще поставить бывшій свой заводъ,—словомъ, осуществить таки мечту молодости, ради которой онъ оставилъ университетъ и научныя занятія при немъ.

Но первоначально никто даже изъ самыхъ близкихъ Прокунину людей не зналъ, куда онъ направился, и только много позднѣе братья Паши получили о немъ вѣсти, подъ условіемъ безусловной тайны. Прокунинъ отправился на

Амуръ, что въ тѣ годы было не легкимъ путешествіемъ, какимъ оно является теперь; о желѣзной дорогѣ тогда и помина не было, да и денегъ у Прокушина было совсѣмъ мало. Но все таки онъ добрался до Благовѣщенска, а вскорѣ отправился и дальше. Какъ разъ въ это время на рѣкѣ Желтугѣ, близъ нашей границы, но уже на территоріи Китая, были обнаружены розсыпи золота, богатые золотоносные пески, не разрабатывавшіеся китайцами. На Желтугу отправились въ большомъ количествѣ золотоискатели, въ большинствѣ люди съ прошлымъ, авантюристы, разнаго рода неудачники, и началась безпорядочная, неорганизованная промывка и добыча золота. Его дѣйствительно оказалось много и количество тайныхъ добычниковъ все возростало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на Желтугѣ возросталъ и безпорядокъ, и воцарилась полная анархія; множились преступленія, грабежи и убійства учащались и оставались безнаказанными; единственнымъ средствомъ противодѣйствія нападеніямъ являлась личная самооборона; всѣ рѣшительно обитатели Желтуги были вооружены револьверами; ни китайскихъ, ни русскихъ представителей власти на Желтугѣ не было. И вотъ Прокушинъ пробрался также на Желтугу.

Наиболѣе развитые и благоразумные изъ числа золотоискателей—а всѣхъ было болѣе тысячи — убѣдились, что такъ дальше существовать нельзя, а необходимо завести извѣстный порядокъ, обезпечить и охранять жизнь и имущество собравшихся на Желтугѣ людей. Была собрана общая сходка, и ей предложенъ выработанный нѣсколькими золотоискателями проектъ статута общественной организаціи. Проектъ былъ сходкой принятъ и такимъ образомъ образовалось нѣчто въ родѣ международной республики (въ числѣ желтугинцевъ были не одни русскіе, но люди разныхъ національностей, а въ томъ числѣ китайцы и японцы). Статутъ предусматривалъ должности предсѣдателя сообщества, членовъ судебно-административнаго совѣта при немъ и довольно многочисленныхъ низшихъ исполнительныхъ агентовъ, несшихъ полицейскія обязанности; былъ ввe-

день личный налогъ и выработанъ очень краткій уголовный кодексъ, назначавшій за сколько-нибудь крупное преступленіе смертную казнь. Наиболѣе интересные вопросы должны были рѣшаться общимъ собраніемъ всѣхъ желтугинцевъ. Предсѣдателю этой своеобразной республики ввѣрялась почти диктаторская власть.

На эту отвѣтственную, страшную должность былъ избранъ Прокунинъ. Со свойственной ему энергіей онъ принялся за введеніе и поддержаніе порядка во ввѣренной ему безшабашной, разнокалиберной толпѣ. Задача была тяжелая, и ради дисциплинированія свободныхъ гражданъ, считавшихъ себя свободными отъ всего, что такъ или иначе связываетъ и останавливаетъ людей, ради внушенія имъ хотя минимальнаго уваженія къ собственности и жизни товарищей, Прокунину пришлось утвердить и исполнить нѣсколько смертныхъ казней; приходилось терроризировать толпу, безъ чего не представлялось возможнымъ остановить ежедневно повторявшіеся случаи убійствъ съ цѣлью грабежа, а также въ дракахъ, вызывавшихся жестокимъ пьянствомъ, сильно распространившимся, благодаря открывшимся многочисленнымъ корчмамъ, содержатели которыхъ, тоже рискуя жизнью и деньгами, соблазнялись легкостью перехода къ нимъ намытаго золота. А добывалось его въ то время очень много. И жестокія мѣры, принятыя республиканскимъ правительствомъ, возымѣли на время дѣйствіе: преступленія значительно сократились.

Наступившее было сравнительное спокойствіе и благополучіе золотопромышленной колоніи продолжалось недолго. Слухи о существованіи ея дошли, наконецъ, до свѣдѣнія китайскихъ властей; на Желтугу явились китайскіе чиновники и потребовали выдачи имъ намытаго золота и удаленія всего общества съ самовольно занятаго имъ участка земли. Желтугинцы не подчинились, конечно, предъявленнымъ имъ требованіямъ и прогнали китайцевъ. Вскорѣ чиновники вернулись, уже въ сопровожденіи военной стражи; стража оказалась, однако, плохо вооруженной и еще менѣе

воинственной, и ея атака лагеря золотопромышленниковъ была ими съ оружіемъ въ рукахъ, подъ предводительствомъ Прокунина, побѣдоносно отбита. Но Желтугинцы убѣдились вскорѣ, что ихъ уже не оставятъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что и съ русской границы до нихъ дошли вѣсти, что готовится противъ нихъ экспедиція, и когда, наконецъ, подошло уже настоящее китайское войско, золотопромышленники бросили Желтугу и разъѣхались и разошлись въ разныя стороны, захвативъ, хотя это не всѣмъ удалось, намытое ими золото. Въ числѣ потерявшихъ все, что ими было выработано (на очень крупную сумму), оказался и Прокунинъ. Вскорѣ послѣ отраженія перваго нападенія китайцевъ, въ части золотопромышленниковъ, обозленной противъ Прокунина введенными имъ строгостями, вспыхнулъ бунтъ, и они въ значительномъ числѣ не только отказались отъ признанія его власти и низложили его, но рѣшили убить. Прокунину съ нѣсколькими приверженцами удалось было бѣжать, но наиболѣе раздраженные противъ нихъ нагнали-таки бѣглецовъ, избили, несмотря на сопротивленіе и, ограбивъ, оставили ихъ — а было ихъ всѣхъ не больше шести-семи человѣкъ — въ очень плохомъ состояніи, почти раздѣтыми, въ пустынной мѣстности, безъ съѣстныхъ припасовъ. Менѣе пострадавшіе изъ бѣглецовъ добыли нѣсколько хлѣба, соли и пшена, и общество это двинулось въ обратный путь, тайгой, направляясь на Благовѣщенскъ, при чемъ имъ вначалѣ приходилось двигаться съ предосторожностями, укрываясь, чтобы не попасться въ руки враждебныхъ имъ бывшихъ товарищей. Прокунина они первоначально несли на носилкахъ, такъ какъ онъ больше другихъ пострадалъ въ рукопашномъ бою съ преслѣдовавшими его золотопромышленниками. Предстоялъ долгій и несказанно тяжелый путь пѣшкомъ, по безлюдной мѣстности, безъ признаковъ какой-либо дороги, руководствуясь компасомъ, а потомъ теченіемъ Амура. Уже наступила осень, а вскорѣ дали себя почувствовать первые заморозки. Путники шли болѣе мѣсяца; провизія ихъ вся вышла, достать хлѣба и пшена

удавалось рѣдко, дичь попадалась не часто, кое-кто изъ сообщества отставъ, а остальные или голодные, изнуренные, больные, уже безъ сапогъ, которые обтрепались, и обвязывая ноги тряпками, вырванными изъ собственной одежды. Прокушинъ обморозилъ себѣ руки и ноги, но ни онъ, ни немногіе уже сопровождавшіе его товарищи, не поддались искушенію бросить все и лечь гдѣ-нибудь, выкопавъ себѣ логово въ землѣ, что они дѣлали иногда въ сильную стужу, остановясь въ тайгѣ на ночлегъ, но съ тѣмъ, чтобы уже и не встать, и шли, хотя медленно, но неуклонно впередъ. И, наконецъ, они добрели до населенныхъ мѣстъ, а вскорѣ затѣмъ и до Благовѣщенска.

Прокушинъ добрался до Благовѣщенска еле живой, и въ буквальномъ смыслѣ слова свалился съ ногъ на улицѣ. Нашлись добросердечные люди, взявшіе его къ себѣ на попеченіе, узнавъ кто онъ и какимъ образомъ очутился почти раздѣтый, безъ единой копейки денегъ, больной, распухшій, обросшій какъ звѣрь волосами, въ Благовѣщенскѣ. Мѣсяца черезъ два Прокушинъ поправился и, оставивъ какъ неисполнимую мысль о быстромъ, сразу, пріобрѣтеніи денежнаго капитала путемъ личнаго золотоискательства, поселился въ Благовѣщенскѣ и принялся за работу культурнаго, образованнаго человѣка. Въ тѣ годы наличность на Дальнемъ Востокѣ человѣка талантливаго, съ высшимъ образованіемъ, было явленіемъ рѣдкимъ, и такому лицу открывалось широкое и выгодное матеріально поприще дѣятельности. Прокушинъ воспользовался этимъ, и выступая главнымъ образомъ адвокатомъ, а также бухгалтеромъ, банковымъ дѣятелемъ, быстро пріобрѣлъ большую разнообразную практику и расположеніе горожанъ, а года черезъ два уже имѣлъ свой домъ и началъ откладывать деньги, продолжая лелѣять мечту о возвращеніи на родину человѣкомъ богатымъ и о выполненіи тамъ оставшихся за нимъ въ долгу обязательствъ.

Ему дѣйствительно пришлось возвратиться на родину, даже гораздо раньше, чѣмъ онъ думалъ, но при совершенно другихъ условіяхъ. Послѣ исчезновенія его съ завода,

когда выяснилось, что оставшихся въ кассѣ денегъ и другого имущества не можетъ хватить на покрытіе долговъ Прокунина, по жалобѣ кого-то изъ кредиторовъ началось дѣло о его несостоятельности, при чемъ, въ виду того, что онъ выѣхалъ неизвѣстно куда, противъ него было возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію его въ злостномъ банкротствѣ и появились въ газетахъ обычныя въ такихъ случаяхъ публикаціи о сыскѣ. Одна такая публикація попала случайно въ руки недоброжелателя Прокунина, и тотъ, не предупредивъ его, послалъ въ разыскивавшій его судъ извѣщеніе о томъ, что Прокунинъ проживаетъ въ Благовѣщенскѣ. Въ результатѣ получилось требованіе суда о заключеніи Прокунина подъ стражу и о высылкѣ его на родину этапнымъ порядкомъ. Этотъ новый, совершенно неожиданный ударъ судьбы (Прокунинъ не зналъ, что признанъ злостнымъ несостоятельнымъ должникомъ), глубоко потрясъ его и отнялъ, не покидавшую его до тѣхъ поръ, бодрость духа и вѣру въ побѣду. Энергія его, если не исчезла, то значительно пошатнулась; онъ сразу физически и духовно ослабѣлъ. Но все-таки ему удалось избавиться отъ путешествія черезъ всю Сибирь и половину Европейскоі Россіи по этапу; ему было разрѣшено, по внесеніи залога, явиться въ судъ не подъ карауломъ. Пришлось наскоро ликвидировать бывшія въ ходу дѣла, продать наспѣхъ, при невыгодныхъ условіяхъ, домъ и прочее имущество и ѣхать «домоі», но не торжественно, тріумфаторомъ, а напротивъ, побѣжденнымъ, виноватымъ, уклоняясь отъ встрѣчи съ прежними друзьями, не оглашая по возможности своего пріѣзда.

Въ судѣ Прокунинъ безъ труда доказалъ, что бѣгства съ сокрытіемъ имущества съ его стороны не было и что вообще несостоятельность не имѣла характера «злостности», а была «несчастная», и уголовное дѣло о немъ было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствіі.

Въ этотъ его вынужденный пріѣздъ въ Европейскую Россію, оказавшійся и послѣднимъ, я видѣлся съ Пашеі впервые послѣ многолѣтнеі разлуки. Встрѣча эта не была легка

намъ обоимъ. Помнится, что, когда я, зайдя въ маленькій номеръ гостиницы, гдѣ онъ остановился, увидалъ его, сильно постарѣвшаго и измѣнившагося, на видъ больного и жалкаго, виновато улыбавшагося, мнѣ стало невыразимо тяжело на душѣ; мы обнялись и долго сидѣли другъ противъ друга молча; подступившія да и не удержавшіяся слезы не давали намъ возможности говорить. Обоимъ намъ вспомнилось наше счастливое дѣтство, въ продолженіе котораго мы постоянно встрѣчались и цѣлые мѣсяцы проводили вмѣстѣ, вспомнились веселые, беззаботные годы студенчества, мечты о предстоящей дѣятельности, мечты Наши, которые раздѣляли и мы, его ближайшіе друзья..... Такъ мы въ это наше первое свиданіе ни о чемъ почти не поговорили, и скоро разошлись. О своихъ похожденіяхъ Паша разсказалъ мнѣ потомъ.

Пробылъ онъ въ Россіи около года и уѣхалъ затѣмъ опять въ Сибирь, но уѣхалъ безъ опредѣленныхъ плановъ, безъ мечтаній, относясь пассивно къ настоящему и недовѣрчиво къ будущему, уѣхалъ потому, что на родинѣ ему было тяжело оставаться. Прошло затѣмъ немного лѣтъ, и мы узнали, что Паша скончался на чужбинѣ скоропостижно.

Болѣе близкими сосѣдями нашими были небогатыя помѣщицы Огаревы, съ которыми мы видались лишь изрѣдка лѣтомъ, да князь Чолокаевъ, породнившійся впослѣдствіи съ нами, другихъ же помѣщичьихъ усадебъ около Спасскаго не было. Но «сосѣдство» не имѣло точно установленныхъ границъ и опредѣлялось не столько территоріальной, сколько дружеской близостью. Въ такихъ близкихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ состояла съ нами издавна многочисленная семья Сабуровыхъ. Дружба съ ними была одинакова въ двухъ поколѣніяхъ — между стариками и молодежью. Члены семьи Сабуровыхъ были люди одаренные, талантливые; барышни отличались музыкальностью, прирожденной граціозностью, поэтичностью всего своего облика, а молодые люди, въ то время еще учившіеся въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, веселостью, жизнерадостностью, умомъ; всѣ они

подавали блестящія надежды — и не только подавали, но и въ большинствѣ сдержали ихъ.

Бывало лѣтомъ все наше общество въ нѣсколькихъ экипажахъ отправлялось на своихъ лошадяхъ, съ подставами, въ отстоявшую отъ насъ въ 70 верстахъ Александровку — имѣніе Сабуровыхъ—и жили тамъ, веселясь съ утра до вечера, недѣлю и больше, а затѣмъ Сабуровы пріѣзжали къ намъ въ Спасское; и такіе длительные визиты осуществлялись ежегодно, а въ иное лѣто и по нѣсколько разъ. Дома на нашихъ усадьбахъ были большіе, и, обычно пустовавшія диванная, угловая, боскетная комнаты населялись дорогими гостями, пріѣзжавшими со своими «людьми» и горничными. Но и прислуги въ ту эпоху въ большихъ помѣщичьихъ усадьбахъ было и такъ очень много, а въ кладовыхъ, въ большихъ сундукахъ, хранились, кажется, въ неограниченномъ количествѣ, подушки, матрацы, пуховики и столовое, и постельное бѣлье.

Сколько милыхъ, благодарныхъ воспоминаній соединено у меня съ мыслью о семьѣ Сабуровыхъ, какъ много ихъ изъ нихъ дали мнѣ лично въ дѣтствѣ и потомъ, уже юношѣ, радостей! И ничего грубаго нѣтъ въ этихъ воспоминаніяхъ, ничего тяжелаго. Напротивъ, и въ то еще крѣпостное, затѣмъ близкое ему время, Сабуровы отличались гуманностью, не всегда встрѣчавшейся въ тогдашней помѣщичьей средѣ, культурностью и начитанностью.

Если я упоминаю здѣсь о близости нашей съ Сабуровыми, близости общей, присущей не отдѣльнымъ членамъ семей между собой, а всему комплекту въ цѣломъ, съ чадами и домочадцами, смотрѣвшими на себя взаимно какъ на родственниковъ, то дѣлаю это потому, что мнѣ кажется, что явленіе, о которомъ я говорю, тогда (пятидесятые годы и начало шестидесятыхъ прошлаго вѣка) заурядное, уже не существуетъ теперь, по крайней мѣрѣ въ такой опредѣленной формѣ. Прежнія, давнишнія связи въ большинствѣ случаевъ порвались, а новыя не завязываются съ такой силой. Да оно и понятно: наша теперешняя жизнь настолько

осложнилась, такое разнообразіе и движеніе проявились въ ней, такъ различны стали пути, по которымъ идутъ члены семей, жившихъ прежде въ старыхъ своихъ гнѣздахъ, «рядомъ», однообразно, какъ бы по одному заранѣе установленному шаблону, что прежней родственной близости между семьями уже не можетъ быть.

Останавливаясь мысленно на извѣстныхъ мнѣ событіяхъ жизни семьи Сабуровыхъ, я припоминаю разсказъ одного изъ членовъ ея, нынѣ уже скончавшагося, о томъ, какъ онъ выручилъ одного своего родственника, попавшаго въ очень трудное положеніе. Это случилось лѣтомъ 1870 года. Родственнику Сабурова, находившемуся на военной службѣ, пришлось внезапно выѣхать временно за границу по неотложному дѣлу, что онъ и сдѣлалъ, взявъ у пріятеля его заграничный паспортъ, такъ какъ добывать себѣ отпускъ ему было некогда. Кажется, въ Гамбургѣ, гдѣ онъ остановился, уже на обратномъ пути въ Россію, еще существовала рулетка; онъ попыталъ на ней счастье и очень быстро, какъ-то даже не сообразивъ этого, проигралъ всѣ оставшіяся у него деньги. Положеніе его оказалось прямо критическимъ; надо было торопиться домой, чтобы не потерять службы и даже не попасть подъ судъ, а между тѣмъ не было ни копейки денегъ и въ гостиницѣ ему сказали, что съ часа на часъ ждутъ объявленія войны съ Франціей, полной мобилизаціи и передвиженія войскъ, а въ связи съ этимъ прекращенія пассажирскаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ. Занявъ у швейцара гостиницы, гдѣ онъ остановился, небольшую сумму денегъ, онъ послалъ одному изъ братьевъ Сабуровыхъ телеграмму о своемъ тяжеломъ положеніи, прося помощи. Въ это время дѣйствительно послѣдовало объявленіе Франко-Прусской войны, банки отказали Сабурову въ немедленномъ переводѣ денегъ въ Германію, и онъ, желая во что бы то ни стало выручить друга и родственника, выхлопотавъ себѣ въ одинъ день, благодаря протекціи тогдашняго канцлера Горчакова, заграничный паспортъ и рекомендательное письмо

Горчакова къ германскимъ властямъ, выѣхалъ тотчасъ за границу. Кажется, до Галле онъ доѣхалъ, хотя съ остановками и промедленіями, однако благополучно, но тутъ пассажирскій поѣздъ былъ остановленъ и послѣдовало объявленіе, что пассажирское движеніе прекращено и дальше, на юго-западъ, пойдутъ только воинскіе поѣзда. Сабуровъ рѣшилъ однако попытаться пробраться дальше, и, будучи человѣкомъ смѣлымъ, незамѣтно забрался въ багажный вагонъ отходившаго въ томъ направленіи, которое ему было нужно, воинскаго поѣзда и запрятался за ящиками и прочимъ багажомъ. Онъ проѣхалъ безпрепятственно цѣлый рядъ станцій, но на одной изъ нихъ въ его вагонъ вошли солдаты для выгрузки части багажа и конечно увидали невѣдомаго штатскаго. Поднялся страшный переполохъ. Сабурова немедленно привели сперва къ командиру слѣдовавшаго съ поѣздомъ полка, а потомъ къ бывшему на станціи генералу, при чемъ, конечно, всѣ, и солдаты, и низшіе, и высшіе офицеры, и генералъ не сомнѣвались въ томъ, что захваченный въ вагонѣ иностранецъ, плохо говорившій по-нѣмецки, но отлично владѣвшій французскимъ языкомъ,— шпіонъ.

Сабуровъ передалъ допрашивавшимъ его генералу и ареопагу офицеровъ дѣйствительную исторію и мотивы своего путешествія и, хотя его разсказъ показался малоправдоподобнымъ, но искренность тона Сабурова, его спокойствіе и внѣшняя порядочность склоняли военныхъ въ его пользу. Сабурову предложили показать его паспортъ съ визой прусскаго консульства и упомянутое имъ въ объясненіяхъ письмо канцлера; онъ растегнулъ пальто и только тутъ вспомнилъ, что паспортъ и письмо находятся въ его чемоданѣ, забытомъ имъ на вокзалѣ въ Галле.

На этотъ разъ Сабуровъ дрогнулъ и смутился, и отношеніе къ нему нѣмцевъ, узнавшихъ, что паспорта съ нимъ нѣтъ, радикально измѣнилось. Его велѣли отвести подъ стражей въ особую комнату и объявили, что тотчасъ же соберется военно-полевой судъ, дабы разсмотрѣть его инцидентъ;

сопровождавшій его до мѣста заключенія офицеръ прямо сказалъ, что ему не миновать сегодня же висѣлицы. Сабуровъ не палъ однако духомъ, добился доставленія ему клочка бумаги и наскоро написалъ карандашомъ председательствовавшему на собраніи офицеровъ генералу записку, въ которой просилъ его телеграфировать въ Галле о немедленной присылкѣ забытаго имъ чемодана и просилъ имѣть въ виду, что онъ русскій подданный, ротмистръ въ отставкѣ, не безъизвѣстный въ русскихъ правительственныхъ сферахъ. Записка возымѣла дѣйствіе: чемоданъ былъ вытребованъ телеграммой и къ вечеру уже доставленъ на станцію, гдѣ разыгрывалась эта несомнѣнно серьезная драма. По вскрытіи чемодана въ немъ были найдены паспортъ Сабурова, визированный всего четыре дня тому назадъ въ Петербургѣ, и письмо князя Горчакова на бланкѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Это письмо устранило всякія сомнѣнія. Сабуровъ былъ не только тотчасъ же освобожденъ изъ-подъ стражи, но офицеры полка, съ которымъ онъ ѣхалъ въ багажномъ вагонѣ поѣзда, временно задержаннаго на станціи по распоряженію завѣдывавшаго передвиженіемъ войскъ начальника, пригласили его на ужинъ въ свой вагонъ, и тамъ пили за здоровье русскаго ротмистра, а онъ, счастливо спасшійся отъ смертельной опасности, пилъ за нѣмецкую армію и командовавшаго на станціи генерала. Любезность военныхъ дошла послѣ ужина до того, что они въ своемъ поѣздѣ доставили Сабурова въ бывшій имъ по пути городъ, гдѣ сидѣлъ застрявшій родственникъ. Благодаря рѣшительности и смѣлости Сабурова, родственникъ этотъ не пострадалъ; недозволенная отлучка его за границу осталась не гласной.

Еще нѣсколько раньше, кажется въ 1866 году, мнѣ пришлось перенести съ тѣмъ же Сабуровымъ приключеніе, лишь случайно окончившееся для насъ благополучно. Рождественскіе праздники въ томъ году я проводилъ въ Спасскомъ, а оттуда проѣхалъ къ Сабурову, жившему въ родовомъ имѣніи. Тутъ мы съ нимъ рѣшили предпринять болѣе

отдаленное путешествіе, а именно навѣстить моего брата въ недавно пріобрѣтенномъ имъ имѣніи въ Воронежской губерніи. Отправились мы на «вольныхъ», сдаточныхъ (желѣзная дорога только что дошла тогда отъ Рязани до Козлова), проселками, въ открытыхъ саняхъ, одѣтые, какъ оно полагается при зимнихъ путешествіяхъ на лошадяхъ, тепло — въ полушубкахъ, а сверху тулупахъ, и въ валенкахъ. Первый день ѣхать было чудесно; морозило, но какъ разъ въ пору, санный путь былъ сносенъ, и лошади, хотя запряженныя цугомъ, бѣжали хорошо; досадны были лишь сворачиванія съ дороги въ глубокій снѣгъ при встрѣчахъ съ обозами и выжиданія ихъ прохода. Ночью мы остановились въ какомъ-то селѣ, а на утро, какъ только разсвѣло, двинулись дальше; предстоялъ переѣздъ верстъ въ тридцать пять по степной мѣстности. Морозъ сталъ крѣпчать, а вскорѣ подулъ вѣтеръ и поднялся поземокъ, сдувавшій верхній слой недавно выпавшаго снѣга, словно струйками переваливавшій черезъ дорогу, и заметая слѣдъ, собиравшійся въ кучки у соломенныхъ вѣхъ, «курясь» по всему полю. Къ удивленію нашему, стало снѣжить — явленіе очень рѣдкое въ сильный морозъ; небо потемнѣло отъ нагнанныхъ вѣтромъ тяжелыхъ, быстро и низко двигавшихся тучъ. Пока снѣгъ падалъ не сплошною массой, а рѣдкими, крутившимися въ воздухѣ, снѣжниками, онъ не смущалъ насъ; но когда мы миновали послѣдній, какъ сказалъ ямщикъ, передъ степью лѣсокъ и очутились въ открытомъ полѣ, картина и наше настроеніе быстро измѣнились. Темныя тучи совсѣмъ осѣли на насъ, и сверху повалилъ крупный, сплошной стѣной несшійся, снѣгъ. Минутъ черезъ пять намъ уже ничего не стало видно кромѣ свѣтло-сѣрой движущейся сѣтки, окружавшей насъ со всѣхъ сторонъ; даже спина ямщика исчезла за снѣжной пеленой. Вѣтеръ все усиливался и билъ насъ снѣгомъ и въ лицо, и въ спину, казалось, со всѣхъ сторонъ. Мы попали въ сильнѣйшую пургу.

Ямщикъ, посовѣтовавшись съ нами, хотѣлъ повернуть назадъ и попробовать добраться если не до села, гдѣ мы ночевали, то хоть до оставшагося за нами лѣсочка, и тамъ, въ сравнительномъ затишьи, отстояться. Но намъ не удалось найти рощу; очень скоро мы убѣдились, что съѣхали съ дороги и плетемся по полю на угадъ, такъ какъ ориентироваться и даже сообразить въ какомъ направленіи мы двигаемся не представлялось возможнымъ. Да и двигались мы еле-еле; лошади увязали мѣстами въ очень глубокомъ снѣгу; передняя лошадь, не зная какого направленія держаться и не чувствуя поводьевъ, постоянно останавливалась, осѣдала на коренника и, наконецъ, совсѣмъ стала. Мы рѣшили пообождать; повернули сани спиной къ вѣтру и взяли ямщика, сильно зазябшаго въ плохомъ тулупѣ и дырявыхъ валенкахъ, въ сани, посадили между насъ и прикрыли бывшею съ нами мѣховою полостью.

Простоявъ часъ времени на мѣстѣ, рѣшили мы тронуться на удачу, въ надеждѣ попасть на какое-нибудь жилье. Сдвинуть сани оказалось дѣломъ нелегкимъ; пришлось отгребать снѣгъ руками. Мятель не унималась, а морозъ, казалось, все крѣпчалъ. Мы то двигались порывами куда-то, опять останавливались, разъ вмѣстѣ съ санями слетѣли въ глубокую рытвину и насилу вытащили сани и кое-какъ привели въ порядокъ сбрую. Ямщикъ, несмотря на полость, все больше и больше зазябалъ и уже не былъ въ состояніи править, да и Сабуровъ почувствовалъ, что ноги у него застываютъ, а вѣтеръ все глубже и глубже проникаетъ къ нему за шубу. Холодъ, благодаря теплой одеждѣ, не добрался еще до меня, но и на меня нападала слабость и безнадежная, казалось, тоска, вызываемая жестокимъ однообразіемъ окружавшей насъ обстановки, этой бѣлой мятущейся вокругъ насъ пеленой, регулярно повторявшимися сильными порывами вѣтра, безысходностью нашего положенія и щемящимъ страхомъ за спутниковъ. Временами и они, и я засыпали, вѣрнѣе, впадали въ дремоту—забытье.

Наступила ночь, о чемъ мы догадались, потому что стало еще темнѣе; мятель не ослабѣвала. Сабуровъ и ямщикъ дремали; я временами подгонялъ лошадей, въ большинствѣ стоявшихъ неподвижно; дѣлалось все тяжелѣе и страшнѣе. Не знаю, сколько еще часовъ прошло, когда до слуха моего долетѣлъ звукъ, не похожій на однообразный гулъ вѣтра. Звукъ повторился нѣсколько разъ гдѣ-то неподалеку, и я узналъ лай собаки. Мы были около жилья. Очнулись отъ дремоты и мои товарищи по бѣдствію, и мы погнали еле переступавшихъ измученныхъ лошадей по направленію обѣщавшаго спасеніе звука. Вскорѣ передняя лошадь уткнулась въ какое-то препятствіе; это оказалась каменная ограда двора, до вершины занесенная снѣгомъ; вдоль этой стѣнки мы и двинулись; она казалась безконечной, такъ долго пришлось пробиваться сквозь сугробы снѣга, прежде чѣмъ мы попали во входное отверстіе — въ ворота. Наконецъ мы въѣхали во дворъ помѣщичьей усадьбы и очутились передъ крыльцомъ большого каменнаго барскаго дома. Долго пришлось намъ стучаться въ дверь, но, наконецъ, она отворилась, да и изъ флигеля прибѣжало нѣсколько людей; лошадей нашихъ и сани отвели на конный дворъ, ямщика взяли въ людскую, а насъ слуга провелъ въ расположенную въ нижнемъ этажѣ большую комнату со сводами, съ длинными диванами вдоль стѣнъ. Въ комнатѣ было тепло, даже жарко; мы съ чувствомъ невыразимаго облегченія скинули давившую насъ тяжелую мѣховую одежду и почувствовали непреодолимую слабость, не дававшую намъ даже ощутить радость по поводу избавленія отъ кошмара, въ которомъ мы пробыли почти сутки. Было часовъ пять утра, когда мы вошли въ домъ. Слуга принесъ намъ подушки, холодную закуску, вина, но мы не были въ состояніи ѣсть и тотчасъ же, улегшись на диванахъ, заснули.

На слѣдующее утро мы узнали, что находимся въ усадьбѣ отставного генерала, фамилію котораго я забылъ, что нашъ хозяинъ нездоровъ и извиняется, что не можетъ насъ принять, но что двѣ его внучки просятъ насъ пожаловать къ

нимъ наверхъ. Приведя свой туалетъ въ сколько-нибудь приличный видъ, напившись чаю и узнавъ съ удовольствіемъ, что нашъ ямщикъ отдѣлался, противъ ожиданія, благополучно и лишь слегка, даже не поморозилъ, а зазнобилъ ухо и кисть лѣвой руки, мы прошли въ верхніе аппартаменты дома, въ гостиную со старинной некрасивой, но крѣпкой мебелью, и поблагодарили двухъ миловидныхъ барышень за гостепріимство, разсказавъ, кто мы такіе и какъ попали къ нимъ въ гости. О вчерашней тревогѣ, конечно, было забыто, и мы очень весело провели утро съ генеральскими внучками и, уѣзжая послѣ завтрака, такъ какъ мятель, наконецъ, прекратилась, очень сожалѣли, что не было никакого основанія, чтобы еще побыть на спасшей насъ усадьбѣ.

Въ тѣ годы путешествія по Россіи были вообще дѣломъ нелегкимъ, особенно зимою, да еще людямъ семейнымъ, съ дѣтьми. Желѣзныхъ дорогъ почти еще не было, онѣ только прокладывались, и въ ходу были зимою возки, учрежденія спасительныя въ стужу, но мучительныя, почти не переносныя. Узкіе, низкіе, съ крошечнымъ, не оттанавшимъ окошкомъ, они были валки, нерѣдко падали на бокъ, при чемъ на сѣдока навалился сосѣдъ, падали подушки, кое-какія взятыя съ собою мелкія вещи, и въ такомъ положеніи, отчаянно барахтаясь, путаясь въ шубахъ и задыхаясь, приходилось дожидаться, пока ямщикъ, или ѣхавшій на козлахъ слуга, не откроетъ снаружи узкую дверку и кое-какъ выберешься изъ возка. А на ухабахъ, въ которые, перекачиваясь съ бока на бокъ, нырялъ возокъ, многихъ даже тошнило; человѣку высокаго роста постоянно приходилось стукаться головой о верхъ возка. Да и въ саняхъ, хотя, конечно, ѣхать было легче, сѣдокамъ доставалось не мало и отъ ухабовъ, и отъ раскатовъ, и выбитой обозами правильными порогами-ступеньками дороги. Давили къ тому же сильно нахлобученная шапка, полушубокъ и шуба, туго перевязанная по таліи и у воротника длиннѣйшимъ шерстянымъ кушакомъ; поднятый воротникъ шубы смерзался, и у лица къ нему примерзали отъ застывшаго дыханія усы и борода... Помню какъ

разъ, когда я ѣхалъ зимой съ двумя товарищами въ деревню изъ Москвы на вольныхъ, на предпослѣдней станціи намъ пришлось кое-какъ умѣститься на простыхъ крестьянскихъ розвальняхъ, запряженныхъ однако лихой тройкой лошадей, быстро мчавшей насъ, я вывалился на поворотѣ изъ саней, а ямщикъ и заснувшіе товарищи этого не замѣтили, и мнѣ долго потомъ пришлось дожидаться ихъ возвращенія, сидя на снѣгу у дороги, такъ какъ идти закутанному, словно запеленутому въ шубѣ, было немыслимо.

Осенью и въ грязь, и въ морозъ, но еще безъ снѣга, тоже тяжела бывала путина даже намъ, молодымъ людямъ; но лѣтнюю ѣзду мы любили. Я говорю про студенческіе годы (шестидесятые года), когда бывало, выдержавъ переходные на слѣдующій курсъ экзамены, мы (я и кто-нибудь изъ товарищей), веселые, радостные, предвкушая почти трехмѣсячную деревенскую свободу и всю прелесть лѣта у себя на любимой съ дѣтства усадьбѣ, мы отправлялись домой, съ Рязани на почтовыхъ, въ перекладной. Сидѣнье въ телѣжкахъ мы устраивали, подложивъ чемоданъ и какой-нибудь узелъ, и ѣхали безъ малѣйшаго отдыха и даже часпитья и днемъ, и ночью, быстро въ полной мѣрѣ, благодаря обильнымъ начаямъ ямщикамъ, часто знакомымъ и гнавшимъ, нерѣдко попадавшіяся тогда, хорошія тройки, во всю прыть. Конечно, тутъ ужъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія на толчки, косогоры, рытвины, спуски, никуда негодные мосты и тому подобные пустяки. Несешься, бывало, по гладкой дорогѣ, и это быстрое движеніе въ открытомъ экипажѣ, подъ звонъ колокольчика и рокотъ бубенчиковъ, часто мелькающіе верстовые столбы, обгоняемыя кибитки съ опущеннымъ верхомъ и видными внутри красными подушками, лежащей фигурой купца и удивленно на насъ смотрящими женскими лицами въ темныхъ платкахъ, радостно волнуютъ, и невольно улыбаешься въ отвѣтъ весело оглядывающемуся и подмигивающему ямщику. А сколько приходилось вылетать изъ телѣги, а то свалиться и съ ней, да еще въ грязь!.. Но въ пору молодости все это лишь веселило.

Вотъ обратныя путешествія въ Москву, осенью, бывали далеко не такъ пріятны: и дорога становилась уже скверной, и погода давала себя знать, иной разъ обдавая цѣлый день дождемъ, или обдувая холоднымъ вѣтромъ, а главное, настроеніе уже бывало не весеннее. Но, добравшись до Москвы, очутившись на знакомыхъ улицахъ, вспомнивъ о товарищахъ, которыхъ не видалъ во все лѣто, объ университетѣ, о театрѣ, грѣшнымъ дѣломъ и о «Русскомъ трактирѣ», около университета, мы бывало веселѣли и, помню, первый свой визитъ совершали въ особенно пріятныя послѣ долгой, утомительной путины, славившіяся тогда Ламакинскія (на Садовой) бани.

Говоря о деревенскихъ сосѣдяхъ, я забылъ упомянуть еще объ одной семьѣ М-хъ, теперь уже не существующей. Всѣ отпрыски ея, насколько мнѣ извѣстно, безпощадно преслѣдуемые какимъ-то злымъ рокомъ, окончили свое существованіе болѣе или менѣе трагично и печально: одинъ изъ нихъ застрѣлился, другой, «опустившись», умеръ въ совершенной нищетѣ, чуть не въ «ночлежкѣ»; былъ между ними и сумасшедшій, окончившій жизнь въ больницѣ; всѣ они разорились, и богатое помѣстье съ хорошей усадьбой, вскорѣ послѣ 19 февраля, перешло въ другія руки. Отецъ этой семьи былъ дружент съ моими родителями и въ дѣтствѣ мы часто видались. Но и тогда уже что-то темное связывалось съ родомъ М-хъ: кто-то изъ старшаго поколѣнія, подъ давленіемъ семейныхъ несогласій, лишилъ себя жизни— что въ ту эпоху было явленіемъ неслыханнымъ, о которомъ говорили съ ужасомъ и лишь шопотомъ. Одинъ изъ М-хъ, родственникъ пріятеля отца, въ крѣпостное время слылъ за помѣщика жестокаго, дурно обращавшагося съ людьми; онъ не только наказывалъ ихъ розгами, что тогда было общепринятымъ мѣропріятіемъ, но сѣкъ безпощадно и даже истязалъ. Надъ нимъ, по жалобѣ крѣпостныхъ, подтвердившейся разслѣдованіемъ, даже была назначена опека. Помѣщица-вдова, изъ того же рода М-хъ, «истеричка» какъ бы сказали теперь, обычно добродушная, даже крайне чувствитель-

ная и сантиментальная, воспитанница Смольнаго монастыря, временами, раздраженная чѣмъ-либо, иногда совершенымъ пустякомъ, превращалась въ фурію, собственноручно била горничныхъ, какъ дѣвочекъ, такъ и постарше, туфлей по щекамъ и драла за волосы, стригла провинившихся дѣвокъ подъ гребенку, запирала въ коморкѣ на чердакѣ, подъ самой крышей, гдѣ дурно дѣлалось отъ духоты и спертаго воздуха, на сутки и больше, а потомъ, придя въ себя, сокрушалась по поводу сдѣланнаго, но вскорѣ опять неистовствовала.

Надо сказать, что хотя въ подготовительную къ «эмансипаціи», какъ тогда говорили, пору, такія проявленія самодурства и грубости стали рѣже, но наказаніе розгами практиковалось почти во всѣхъ экономіяхъ, да розга примѣнялась и управленіемъ государственными крестьянами. Какъ извѣстно, сѣченіе долго держалось и въ освобожденномъ крестьянствѣ въ практикѣ волостныхъ судовъ. При очень долго жившемъ прадѣдѣ моемъ, да и въ началѣ управленія отца, розга примѣнялась и въ Спасскомъ, но затѣмъ, еще задолго до освобожденія крестьянъ, отецъ отмѣнилъ эту мѣру; знаю однако, что когда семья наша не жила въ Спасскомъ, перебираясь на зиму въ Москву, управляющій, дворовый человѣкъ, бывшій камердинеръ отца, потихоньку отъ родителей примѣнялъ таки къ провинившимся крестьянамъ и дворовымъ розгу. Ужъ очень это было легкій, простой и, казалось, такой убѣдительный способъ репрессіи, къ тому же ставшій издавна обычаемъ.

Въ числѣ гостей, бывавшихъ въ моемъ дѣтствѣ у насъ въ Спасскомъ, помню поляка Пильсутскаго, жившаго, кажется, послѣ революціи 1837 года, въ ссылкѣ въ Тамбовѣ, очень дружившаго съ родителями. Это былъ мощный, красивый въ своихъ сѣдинахъ, старикъ, съ длинными усами и эспаньолкой. Къ нему у насъ относились съ особенной лаской и вниманіемъ, жалѣя въ немъ человѣка, пострадавшаго за чувство любви къ родинѣ и принужденнаго жить на чужбинѣ между совершенно посторонними ему людьми. Пильсутскій былъ очень ласковъ со мною и разъ подарилъ на

память широкій кожаный поясъ, застегивавшійся большой серебряной пряжкой съ выгравированнымъ на ней польскимъ гербомъ — одноглавымъ орломъ. Пріѣзжалъ также изрѣдка изъ Тамбова мѣстный помѣщикъ, фамилію котораго я забылъ, большой чудакъ, слывшій въ обществѣ опаснымъ и членомъ какой-то масонской ложи. Онъ дѣйствительно любилъ пугать общество крайне рѣзкими сужденіями, громогласно доказывалъ, что Бога нѣтъ и что нелѣпо и вредно держать посты и ходить въ церковь. Голосъ у него былъ грубый, манеры угловатыя, волосы онъ стригъ подъ гребенку, верхнюю губу брилъ, а бороду нѣтъ, носилъ очки въ тяжелой оправѣ и вообще плохо и чудно къ тому же одѣвался; онъ въ карманахъ носилъ всегда склянки съ терпентиномъ, разбавленнымъ водкой, и довольно часто глоталъ этотъ странный напитокъ. Его у насъ не любили и не уважали, но принимали все-таки. Въ сущности, онъ былъ совершенно безвредный болтунъ, умышленно чудачившій, но совершенно далекій отъ масонства.

Много разныхъ людей гащивало въ Спасскомъ подолгу, а иные просто жили зимою и лѣтомъ «на нашихъ хлѣбахъ», въ домѣ или во флигелѣ — бездомныя старушки, выбитыя чѣмъ-либо изъ жизненной колеи лица, видавшія лучшіе дни, а то люди, искавшіе временнаго пріюта и отдыха. Тогда оно такъ водилось и, думается, что это была хорошая черта прежняго уклада, далеко не во всемъ симпатичнаго.

Разъ какъ я упомянулъ о полякѣ Пильсутскомъ, замѣчу, что тогдашнее общество въ Тамбовѣ, гдѣ помимо ихъ желанія проживало довольно много поляковъ, кажется даже сосланныхъ за послѣднее возстаніе, относилось къ нимъ очень доброжелательно и старалось помочь получше устроить подневольную жизнь. Черта эта знаменательна, если принять во вниманіе тогдашнюю общую «политическую» робость, даже страхъ и трепетъ передъ начальствомъ, а также и то, что тогдашніе обитатели глухихъ провинціальныхъ городовъ, хотя бы и губернскихъ, не выдавались культурностью и возвышенными чувствами. Но жилось въ такихъ

городахъ, какъ Тамбовъ, гораздо веселѣе и оживленнѣе, чѣмъ теперь. Я говорю про мѣстное «общество», состоявшее изъ дворянъ-помѣщиковъ, немногихъ представителей высшей власти въ городѣ и военныхъ изъ кавалеристовъ. «Третьяго элемента» тогда еще не существовало, «безпочвенныхъ интеллигентовъ», кромѣ домашнихъ учителей, въ провинціи не водилось, среднее и мелкое чиновничество въ общество не допускалось, такъ же, какъ представители коммерціи, державшіеся и сами особнякомъ въ своемъ кругу. Интересы «общества» были не изъ высокихъ, и члены его именно *эсили* хорошо, не задаваясь разрѣшеніемъ «проклятыхъ» вопросовъ, не интересуясь отвлеченными идеями или общеполитическими проблемами. Помѣщичій классъ тогда еще былъ, или казался, зажиточнымъ, и въ Тамбовѣ жили широко. Я знаю это не по разсказамъ только, мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ (но не участникомъ, по молодости лѣтъ) этой веселой жизни, когда шампанское «лилось рѣкой», а о пивѣ никто даже и не думалъ, на одинъ вечеръ выписывался лучшій московскій цыганскій хоръ, на почтовыхъ тройкахъ доставлялись зимою изъ Москвы живые цвѣты, разстегаи изъ трактира Гурина и всевозможные «деликатесы», а въ банкъ и штоссъ проигрывались въ одинъ вечеръ десятки тысячъ. Губернія славилась лошадьми, особенно рысаками (заводовъ Воейкова, Жихарева и другихъ), игроками въ карты и на бильярдѣ, силачами, легко гнувшими руками мѣдный пятакъ и подкову, борзыми собаками и любителями-знатоками ружейной охоты... Были и знаменитые «питухи», выпивавшіе, напримѣръ, почти залпомъ полную миску только что сваренной крѣпкой жженки...

Губернаторомъ въ тѣ годы былъ въ Тамбовѣ Карлъ Карловичъ Данзасъ, человѣкъ образованный, изящной культуры начала девятнадцатаго вѣка, современникъ Пушкина, младшій братъ друга и секунданта Александра Сергѣевича, человѣкъ, стоявшій по развитію много выше провинціальнаго общества, но ужившійся все-таки съ нимъ и тоже жившій весело.